

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г.Уфа

12 апреля 2021 года

Судебная коллегия по уголовным делам
Верховного суда Республики Башкортостан в составе:

председательствующего судьи [REDACTED],
судей: [REDACTED]

при ведении протокола судебного заседания
помощником судьи [REDACTED]

рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по
апелляционным жалобам (с дополнениями) осужденных [REDACTED]
и их адвокатов [REDACTED] Демьянчука
А.В. на приговор Советского районного суда г.Уфы Республики
Башкортостан от 23 ноября 2020 года, по которому

[REDACTED] года
рождения, гражданин Российской Федерации, проживающий в
г.Уфе, имеющий на иждивении малолетних детей: 10 сентября
2012, 4 мая 2016 и 11 апреля 2020 годов рождения, ранее не
судимый,

признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1
ст.169 УК РФ, ему назначено наказание в виде лишения права занимать
должности в системе органов внутренних дел сроком на 2 (два) года со
штрафом в размере 50 000 рублей. От отбывания наказания освобожден в
связи с истечением сроков давности уголовного преследования на
основании п.3 ч.1 ст.24, ч.8 ст.302 УПК РФ.

Он же, [REDACTED], осужден по ч.1 ст.286 УК РФ к 2 годам лишения
свободы; по п.п. «а», «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ к 8 годам лишения свободы
с лишением права занимать должности в системе органов внутренних дел
сроком на 8 лет. На основании ч.3 ст.69 УК РФ по совокупности
преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно
назначено 8 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в
исправительной колонии строгого режима, с лишением права занимать
должности в системе органов внутренних дел сроком на 8 лет.

[REDACTED] года рождения,
житель г.Уфы Республики Башкортостан, гражданин
Российской Федерации, имеющий на иждивении
несовершеннолетних детей 24 сентября 2006 и 16 сентября 2012
годов рождения, ранее не судимый,

признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.169
УК РФ, ему назначено наказание в виде лишения права занимать должности
в системе органов внутренних дел сроком на 2 года со штрафом в размере

50 000 рублей. От отбывания наказания освобожден в связи с истечением сроков давности уголовного преследования на основании п.3 ч.1 ст.24, ч.8 ст.302 УПК РФ.

Он же, _____, осужден по ч.1 ст.286 УК РФ к 2 годам лишения свободы; по п.п. «а», «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ к 8 годам лишения свободы с лишением права занимать должности в системе органов внутренних дел сроком на 8 лет; по ч.1 ст.222.1 УК РФ к 2 годам лишения свободы. На основании ч.3 ст.69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено 9 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, с лишением права занимать должности в системе органов внутренних дел сроком на 8 лет.

Мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении _____ и _____ изменена на заключение под стражу, они взяты под стражу в зале суда.

Срок отбывания наказания _____ и _____ исчислен со дня вступления приговора в законную силу.

_____ зачтено в срок отбытия наказания: в соответствии с ч.3.2 ст.72 УК РФ - время содержания под стражей с 5 июня 2019 года до 11 февраля 2020 года и с 23 ноября 2020 года по день вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима; в соответствии с ч.3.4 ст.72 УК РФ - время нахождения под домашним арестом с 11 февраля 2020 года до 1 мая 2020 года из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима.

_____. В соответствии с ч.3.2 ст.72 УК РФ зачтено в срок отбытия наказания время содержания под стражей с 23 ноября 2020 года по день вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима.

Приговором разрешена судьба вещественных доказательств.

Заслушав доклад судьи _____ об обстоятельствах дела и доводах апелляционных жалоб (с дополнениями), выслушав осужденных _____, _____, посредством видеоконференц-связи и их адвокатов _____, _____, Демьянчука А.В. в поддержку апелляционных жалоб, мнение прокуроров _____, _____ о законности приговора, судебная коллегия

установила:

_____, _____, признаны виновными и осуждены за превышение должностных полномочий, то есть совершение должностным

16

лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства; за получение должностным лицом лично взятки в виде денег и иного имущества за совершение действий в пользу взяткодателя и представляемого им лица, если указанные действия входят в служебные полномочия должностного лица, а также за общее покровительство и попустительство по службе, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с вымогательством взятки, в крупном размере.

_____ также признан виновным и осужден за незаконное хранение взрывного устройства.

Они же, _____ и _____ признаны виновными в воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности, то есть в ограничении прав и законных интересов индивидуального предпринимателя и в незаконном вмешательстве в деятельность индивидуального предпринимателя, если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения, но от отбывания назначенного наказания освобождены в связи с истечением сроков давности уголовного преследования на основании п.3 ч.1 ст.24, ч.8 ст.302 УПК РФ.

Преступления совершены в период с апреля 2017 года по июнь 2019 года в г.Уфе Республики Башкортостан при обстоятельствах, изложенных в описательно-мотивировочной части приговора.

В судебном заседании _____ и _____ виновными себя не признали.

В апелляционной жалобе адвокат _____ в интересах осужденного _____ со ссылками на ст.49 Конституции РФ и постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» утверждает, что приговор постановлен с обвинительным уклоном.

В обоснование своих доводов указывает, что признав _____ виновным как по ч.1 ст.169 УК РФ, так и по ч.1 ст.286 УК РФ, суд дважды осудил его за одни и те же действия, тогда как в соответствии со ст.17 УК РФ при отсутствии совокупности преступлений, уголовная ответственность наступает лишь по специальной норме. Приводит анализ правовых норм, предусмотренных ч.1 ст.286 и ч.1 ст.169 УК РФ и делает вывод, что любые незаконные действия, указанные в ч.1 ст.169 УК РФ всегда будут иметь признаки превышения должностным лицом своих полномочий. Кроме того, наличие крупного ущерба предусмотрено в ч.2 ст.169 УК РФ, а в диспозиции ч.1 ст.286 УК РФ не указывается об обязательном наличии причинения материального вреда. Тем самым применив обе конкурирующие нормы (специальную и общую), суд излишне квалифицировал действия _____ по ч.1 ст.286 УК РФ. Обращает внимание, что из текста приговора не следует, что суд хоть каким-то образом мотивировал квалификацию действий подсудимых как по общей норме – ч.1 ст.286 УК РФ, так и по специальной норме – ч.1 ст.169 УК РФ, а просто указал данные составы «через запятую».

18

Утверждает, что проверка [REDACTED] имела процессуальные и материальные основания. Источник поступления телефонов в киоск [REDACTED] не установлен, документов об их легальной поставке суду не представлено, показания потерпевших, что телефоны возят из Москвы, документально не подтверждены, что не исключает поставку похищенных телефонов. Документов, что продаваемые телефоны являются авторскими, также не имеется. Поэтому осужденные фактически действовали в рамках задач органов полиции по выявлению преступлений, в том числе, латентных.

Процессуальным основанием проведения проверки является ст.7 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а поскольку речь идет о предметах, не ограниченных в гражданском обороте, необходимости постановления о проверочной закупке не имеется (ст.8 указанного Закона). Контрафактная продукция по делу не установлена, в Указе Президента РФ о видах продукции, свободная реализация которых запрещена, данные товары также не указаны, а потому указание в приговоре, что осужденные, не составив постановления о проведении проверочной закупки, нарушили условия проведения ОРМ, не соответствуют федеральному законодательству.

Непонятно, почему нельзя проводить осмотр места происшествия. Факт правонарушения был зарегистрирован, по нему вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Тем самым осужденные действовали в соответствии с требованиями ст.144 УПК РФ, что исключает превышение должностных полномочий.

Существенного нарушения прав и интересов [REDACTED] при осуществлении проверочной закупки не было, так как проверка проведена один раз по законным основаниям, деятельность ИП не приостанавливалась, юридической ответственности ни [REDACTED], ни [REDACTED] не претерпели, все телефоны были законно изъяты, а затем возвращены. Ст.15 ФЗ «Об ОРД» и ст.144 УПК РФ позволяют оперативным работникам изъятие предметов и документов при проведении ОРМ и осмотре места происшествия.

При таких обстоятельствах нет признаков преступлений ни по ч.1 ст.286 УК РФ, ни по ч.1 ст.169 УК РФ.

Автор жалобы отмечает, что проверку осужденными [REDACTED] суд в приговоре описал как подготовку к получению взятки, а в таком случае она должна охватываться составом получения взятки, поскольку идеальной совокупности преступлений не имеется.

Органами следствия получение взятки также связано с якобы незаконными действиями [REDACTED] и [REDACTED] по воспрепятствованию предпринимательской деятельности. Однако эти действия были полностью законными.

Главным доказательством по делу являются показания [REDACTED], которые им неоднократно изменялись. С марта по июнь 2019 год [REDACTED] действовал под управлением оперативных работников УСБ, однако процессуально эти отношения не оформлены. Записей разговоров [REDACTED] с [REDACTED] в подлиннике нет. Такие действия органов

28

собственной безопасности являются подстрекательскими и провокационными.

Тот факт, что вымогательство взятки осужденными шло на протяжении двух лет, ничем не подтвержден кроме показаний [REDACTED]

Откуда взялись аудиозаписи, на которые ссылается суд в приговоре, непонятно. Первоисточника в виде диктофона на телефоне [REDACTED] нет, аппаратуры USB также нет. Следователь сделал какие-то записи со своего компьютера на свой диск, и после этого свой диск оформил выемкой у [REDACTED] что свидетельствует о фальсификации доказательств. Источник исследованных в суде аудиозаписей и представленных [REDACTED] снимков не установлен, что свидетельствует о недопустимости этих доказательств в силу ст.75 УПК РФ.

Несмотря на то, что [REDACTED] уже в марте 2019 года заявил в органы USB о вымогательстве у него [REDACTED] и [REDACTED] взятки, заявление в Октябрьском СО г.Уфы СУ СК РФ по РБ было зарегистрировано только 4 июня 2019 года. И только в этот день следователь Ахметов дал поручение USB провести оперативно-розыскные мероприятия.

Проведение ОРМ «Оперативный эксперимент» также вызывает сомнение в его допустимости. Так, на смывах с рук [REDACTED] следов химического вещества, которым помечали деньги, не имеется (т.3 л.д.248). Это значит, что он меченые деньги в руках не держал. В видеозаписи разговора [REDACTED] и [REDACTED] от 4 июня 2019 года нет ни слова о передаче денег, не видно и момента передачи денежной купюры, часть которой видна на записи, окончание видеозаписи вообще отсутствует. Оперативные работники ([REDACTED]) в суде заявили, что не велось технической записи эксперимента. Тем самым [REDACTED] показывает деньги на видеокамеру, но куда они делись, неизвестно. После того, как [REDACTED] вышел из машины [REDACTED], оперативники без понятий вытащили последнего из машины и обыскали, а затем он почти час находился с ними в микроавтобусе. Личный досмотр [REDACTED] сотрудником USB начат в 17-48 часов, а осмотр места происшествия начат следователем в 18-45 часов. Тем самым в указанный промежуток (почти час) возле машины были только оперативные сотрудники, вне контроля со стороны хозяина машины [REDACTED], без понятий, которые появились лишь вместе со следователем. Но при этом суд в приговоре не усомнился, что денежные средства были переданы [REDACTED] при их личной встрече, а не были подброшены кем-либо позже.

При таких недостатках оперативного эксперимента суд необоснованно принял версию обвинения, не подтвержденную совокупностью иных доказательств, и указал в приговоре несуществующее обстоятельство о том, что место обнаружения денежных средств на полке по фотографии совпадает с местом, куда [REDACTED] положил денежные средства согласно видеозаписи.

Автором жалобы утверждается, что в приговоре не описан состав получения взятки [REDACTED] и [REDACTED], не описан признак

20

вымогательства взятки, нет описания должностных полномочий [REDACTED], его прав и обязанностей и вытекающих из этого действий, за которые могла быть получена взятка, то есть отсутствует описание причинно-следственных связей полномочий [REDACTED] и вытекающих из этого действий. В то же время проверки торговых точек [REDACTED] и [REDACTED] могли проводить только с разрешения руководства УМВД по г.Уфе, именно поэтому имеющуюся у них оперативную информацию в отношении [REDACTED] они реализовали только в период операции «Конрафакт». Тем самым доказательств инкриминируемого состава преступления не имеется.

Относительно обвинения по ч.1 ст.222.1 УК РФ автор жалобы обращает внимание, что данное взрывное устройство было найдено сыном Шуганова В.В., считавшим, что это игрушечная петарда. Доказательств, опровергающих это, в деле не имеется.

Просит [REDACTED] по ч.1 ст.169, ч.1 ст.286, п. «а,б,в» ч.5 ст.290, ч.1 ст.222.1 УК РФ оправдать.

В апелляционной жалобе адвокат [REDACTED] в интересах осужденного [REDACTED] считает приговор незаконным и необоснованным в связи с неправильным применением уголовного закона по преступлениям, предусмотренным ч.1 ст.169 и ч.1 ст.286 УК РФ. Полагает, что суд пришел к неверному выводу об отсутствии оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в специализированном магазине [REDACTED].

Так, [REDACTED], как сотрудником органа, осуществляющего ОРД была получена оперативная информация от [REDACTED] о возможной реализации контрафактной продукции в данном магазине, о чем свидетель [REDACTED] подтвердил. Тем самым основания для проведения оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренные ст.7 ФЗ «Об ОРД» имелись.

Согласно ст.129 ГК РФ товарами, свободная реализация которых запрещена, признаются объекты, изъятые из гражданского оборота. Виды такой продукции прямо указаны в законе или определены в порядке, установленном законом. В частности, такие данные содержатся в Указе Президента РФ № 179 от 22 февраля 1992 года, в Федеральных Законах «Об оружии», «О лекарственных средствах», «О наркотических средствах и психотропных веществах» и других законодательных актах. При этом в перечни запрещенных к реализации отдельных видов товаров, сотовые телефоны, имеющие признаки контрафактного товара, не внесены. В данном случае реализуемые в торговой точке [REDACTED] телефоны не являлись запрещенной или ограниченной в свободной торговле продукцией. Поэтому у [REDACTED] и [REDACTED], как лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, имелись предусмотренные ст.7 Закона «Об ОРД» основания для проведения проверочной закупки в торговой точке без вынесения постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и тем самым ими не совершено действий, явно выходящих за пределы их должностных полномочий.

20

81

о ва
ые
но-
ого
цев
фе,
ии
ем
бы
юм
ств,
ч.1
сах
и
по
ет,
ля
ом
РД
юй
ль
ю-
ых
ды
ке,
зе
Об
и
в
ые
ом
сь
му
ю-
Д»
ез
а,
не
ых

Более того, проверочная закупка в принципе не может причинить вред лицу, в данном случае, индивидуальному предпринимателю, так как сделка с условным покупателем совершается, деньги продавец получает. При таких обстоятельствах отсутствие постановления, если и нарушает саму процедуру оперативно-розыскного мероприятия, существенного нарушения прав продавца, как последствия, предусмотренного ст.286 УК РФ, не влечет. Тем самым в любом случае в действиях [REDACTED] и [REDACTED] отсутствуют общественно опасные последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов [REDACTED], чему суд надлежащей оценки не дал.

Кроме того, в приговоре суд пришел к выводу, что действия подсудимых по незаконному изъятию товаров в [REDACTED] и незаконном проведении там ОРМ, ограничили права и законные интересы потерпевшего на законную предпринимательскую деятельность, что, по мнению суда, относится к преступлению, предусмотренному ч.1 ст.169 УК РФ.

Суд дал неверную оценку фактическим обстоятельствам уголовного дела и ошибочно отнес к последствиям то, что указанные действия [REDACTED] и [REDACTED], ставшие достоянием общественности, повлекли за собой нарушение законных интересов государства, не дав оценку наступившим последствиям для самого индивидуального предпринимателя. Из выводов суда следует, что только общественная огласка «превратила» действия сотрудников полиции, совершенные более двух лет назад, в уголовно-наказуемое деяние. В чем конкретно выразились последствия для самого [REDACTED] и представляемого им лица [REDACTED] и являются ли эти последствия существенным нарушением их прав, суд в приговоре не отразил. В то же время фактически по результатам контрольной закупки торговая точка не перестала осуществлять свою деятельность, действия сотрудников её никаким образом не ограничили.

Кроме того, выводы суда содержат существенные противоречия, поскольку при квалификации действий [REDACTED] и [REDACTED] по ч.1 ст.286 УК РФ указано, о том, что они повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан (лист приговора 27), а при описании преступного деяния такие последствия не приведены.

Автор жалобы утверждает, что в действиях [REDACTED] отсутствует состав преступления, предусмотренного ч.1 ст.169 УК РФ, так как он привлечен для оказания помощи [REDACTED] при проведении ОРМ в рамках операции «Контрафакт», и ему не было известно об отсутствии или наличии постановления о проведении проверочной закупки, так как он не являлся её инициатором.

Более того, факт проведения проверочной закупки зафиксирован составлением соответствующих процессуальных документов – рапортом о регистрации сообщения о преступлении, актом проверочной закупки, протоколом осмотра места происшествия и другими документами.

Считает, что суд ошибочно указал о том, что осмотр места происшествия может проводиться только в рамках возбужденного

уголовного дела либо при производстве проверки сообщения о преступлении, зарегистрированного в установленном порядке.

Осмотр места происшествия был проведен с участием [REDACTED], сотрудники полиции, являясь органом дознания, уполномочены проводить осмотр места происшествия согласно УПК РФ. Телефоны изъяты путем составления процессуального документа. Факт проведения проверочных мероприятий в этот же день зарегистрирован в КУСП. В результате проведенного ОРМ деятельность [REDACTED] не была прекращена или парализована. Таким образом, сведений или фактов, указывающих на действия [REDACTED] и [REDACTED] по воспрепятствованию законной предпринимательской деятельности в приговоре суда не указано.

Утверждая об отсутствии составов преступлений, предусмотренных ч.1 ст.169 и ч.1 ст.286 УК РФ, автор жалобы ставит вопрос о незаконном осуждении [REDACTED] и [REDACTED] по совокупности данных преступлений. Утверждает, что воспрепятствование законной предпринимательской деятельности является частным случаем злоупотребления или превышения должностным лицом своих полномочий. Поэтому в силу ч.3 ст.17 УК РФ действия лица в таком случае должны оцениваться по специальной норме, то есть только по ст.169 УК РФ.

Выражает несогласие с приговором суда в части осуждения [REDACTED] по п.п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела.

Исходя из вышеприведенных доводов о том, что [REDACTED] и [REDACTED], будучи оперуполномоченными ОЭП и ПК УМВД России по г.Уфе имели основания и условия для проведения проверочной закупки и осмотра места происшествия в торговой точке [REDACTED], условия, при которых [REDACTED] и [REDACTED] вынуждены были передать денежное вознаграждение с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов, ими созданы не были.

Приговор не содержит ссылок на нормативные акты (нормы закона, инструкции), устанавливающие права, полномочия и обязанности [REDACTED] и [REDACTED] по возврату изъятых в ходе проведения ОРМ и осмотра места происшествия предметов.

Более того, вопреки позиции п.5 Постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 года № 24 считает получение денежных средств в виде взятки за общее покровительство и попустительство взаимоисключающими действиями. В ст.290 УК РФ также указано, что взятка – это получение должностным лицом денег или иного имущества, ценностей и услуг за общее покровительство или попустительство по службе.

Не соответствует фактическим обстоятельствам дела вывод суда о выдвижении [REDACTED] и [REDACTED] требований о ежемесячной передаче им денежного вознаграждения в сумме 15 000 рублей, поскольку [REDACTED] показал, что они у него лично денежных средств не требовали, [REDACTED] также показал, что [REDACTED] у него денежных средств не просил, этот вопрос они не обсуждали.

о
М.,
ить
тем
ых
ате
ли
на
ой
ч.1
ом
ых
ой
ем
ий.
ны
ва
ов
и
то
и
ни
се
их
а,
за
за
9
на
и
е
е
о
й
у
е
с

Обвинением не представлено сведений о роли [redacted] в получении взятки, то есть какие именно действия или бездействия, входящие в его служебные полномочия, он совершил. Факт прохождения службы осужденными в одном подразделении и факт знакомства [redacted] и [redacted] от которого была получена информация о торговой точке, сами по себе никаким образом не доказывают факт вступления осужденных в предварительный сговор на совершение преступления. Иных доказательств о том, что [redacted] и [redacted] заранее договорились о совместном совершении преступления и о том, какие конкретно действия были совершены осужденным [redacted] в приговоре не приведено. Тем самым вывод о получении взятки группой лиц основан на предположениях и доказательствами не подтвержден.

Просит приговор суда в отношении [redacted] отменить, по ч.1 ст.169, ч.1 ст.286, п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ его оправдать.

В апелляционных жалобах адвокат Демьянчук А.В. в интересах осужденных [redacted] и [redacted] считает, что приговор вынесен с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела, что привело к осуждению невиновных лиц.

Указывает, что суд признал действия [redacted] и [redacted] воспрепятствованием законной предпринимательской деятельности ИП [redacted]. Приводя содержание объективной стороны ч.1 ст.169 УК РФ, собственные рассуждения о понимании действий, образующих состав данного преступления и ссылку на судебные решения по конкретным делам, приходит к выводу, что уголовную ответственность по ч.1 ст.169 УК РФ влечет только такое ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица, которое вызвано их организационно-правовой формой. Материалы данного уголовного дела таких доказательств действий осужденных не содержат, а потому уголовное дело по ч.1 ст.169 УК РФ подлежит прекращению на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ за отсутствием в их деянии состава преступления.

Приводит разъяснения из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 относительно действий, за которые наступает уголовная ответственность по ч.1 ст.286 УК РФ и утверждает, что выводы суда относительно виновности [redacted] и [redacted] по ч.1 ст.286 УК РФ являются предположением и не основаны на материалах уголовного дела.

Так, изъятие [redacted] совместно с [redacted] 25 штук сотовых телефонов общей стоимостью 447 000 рублей не привело к причинению материального ущерба [redacted], поскольку они были возвращены ему под расписку спустя четыре дня. Даже с учетом позиции суда, что телефоны были возвращены частично, а оставшиеся у них получены в виде взятки, у потерпевшего материальный ущерб отсутствует, поскольку [redacted] с жалобой на указанные действия осужденных не

84

обращался, тем самым он фактически дал эту взятку через посредника _____, а размер взятки не является материальным ущербом.

Данных о том, что в результате изъятия сотовых телефонов _____ прекратил или приостановил свою предпринимательскую деятельность, уголовное дело не содержит.

Тем самым судом не установлено нарушение конституционного права _____ на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной экономической деятельности или нарушения иных охраняемых законом интересов общества или государства.

Утверждает, что _____ и _____ не совершали активных действий, выходящих за пределы их полномочий. Так, оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка» осуществлено в рамках операции «Контрафакт» с ведома непосредственного начальника осужденных _____ (т.2 л.д.94), который это подтвердил; изъятие 25 сотовых телефонов произведено в связи с отсутствием в магазине документов, подтверждающих их приобретение _____ (т.1 л.д.166), о чем _____ составлен рапорт. Это изъятие было оправданным ввиду необходимости проверки данных телефонов на наличие признаков контрафакта и на причастность к похищенному имуществу; 14 апреля 2017 года _____ оформлена расписка о том, что все 25 телефонов ему возвращены (т.5 л.д.172).

Утверждает, что суд не привел в приговоре конкретные правовые нормы, которые он посчитал нарушенными осужденными при проведении 10 апреля 2017 года ОРМ «проверочная закупка» и изъятии сотовых телефонов. Ссылка на ФЗ-144 «Об оперативно-розыскной деятельности» указанное требование не отменяет.

Полагает, что _____ и _____ признаны судом потерпевшими необоснованно, вопреки разъяснению п.30 постановления Пленума ВС РФ № 24 от 9 июля 2013 года, где прямо указано, что взяткодатели, в отношении которых имело место вымогательство, не могут признаваться потерпевшими и не вправе претендовать на возвращение им ценностей, переданных в виде взятки, а доказательств тому, что _____ действовали в состоянии крайней необходимости или в результате психического принуждения, не имеется.

_____ пояснил, что зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя в конце мая 2019 года (т.1 л.д.153). Арендатором торгового помещения являлся именно _____ (т.6 л.д.27-44). _____ пояснил, что денежные средства на взятки для осужденных _____ брал из оборота (т.2 л.д.215), то есть деньги принадлежали именно _____. При таких обстоятельствах, показания _____ о том, что бутик принадлежит ему и _____ совместно, а прибыль и долги делятся пополам (т.6 л.д.51-52), не имеют правового значения, а доказательств причинения имущественного вреда именно _____ не имеется.

Судом не устранены противоречия в показаниях [redacted] о количестве невозвращенных телефонов, поскольку он говорил, что «не хватает 4-6 телефонов», «не вернули 8 телефонов общей стоимостью 130 000 рублей», а суд посчитал доказанным, что в качестве взятки осужденными было оставлено 8 телефонов общей стоимостью 173 000 рублей. Мотивы такого решения суда не приведены.

Со ссылками на нормы УПК РФ, ФЗ-73 «О государственной экспертной деятельности в РФ» и постановления Пленума ВС РФ № 51 от 19 декабря 2017 года и № 28 от 21 декабря 2010 года полагает, что заключение специалиста [redacted] и дополнение к нему являются недопустимыми доказательствами. Утверждает, что данные документы (заключение специалиста и дополнение к нему) не отражают ход и результаты исследования. К тому же подлежащие исследованию сотовые телефоны к уголовному делу не приобщались. Из представленных квалификационных документов специалиста усматривается, что [redacted] – специалист по оценке недвижимости, его стаж исчисляется с февраля 2018 года (т.4 л.д.132). Тем самым у него нет должного опыта и квалификации для товароведческого исследования и оценки рыночной стоимости сотовых телефонов. Кроме того, следователь в нарушение требований УПК РФ не ознакомил обвиняемых с постановлением о назначении экспертизы до начала её производства.

Считает, что протокол выемки у [redacted] от 5 июня 2019 года компакт-диска с аудиозаписью (т.3 л.д.123-126) и протокол осмотра данного диска (т.3 л.д.133-139); протокол выемки у него же от 6 августа 2019 года компакт-диска, содержащего его переписку с сотрудником полиции по имени [redacted] (т.3 л.д.129-132) и протокол его осмотра от 7 марта 2020 года (т.3 л.д.152-164), признанные судом достоверными, также являются недопустимыми доказательствами.

Так, при выемке компакт-диска 5 июня 2019 года понятые участия не принимали, следователь использовал фотоаппарат, но фотографий, из которых бы следовало, что находящийся в руках [redacted] компакт-диск – именно тот, который, согласно протоколу, был упакован в конверт с пояснительной надписью, - не имеется. Индивидуальные признаки изъятого компакт-диска (серийный номер) и содержащейся на нем информации (файлы) из протокола выемки установить невозможно. При сопоставлении протокола выемки и протокола осмотра диска невозможно удостовериться, содержание выданного [redacted] компакт-диска полностью идентично осмотренному следователем.

Такие же нарушения имелись и в отношении оформления протокола выемки от 6 августа 2019 года и осмотра от 7 марта 2020 года.

Время создания записей на компакт-диске (22:03 часа) не соответствует времени протокола его осмотра (с 16:30 до 16:45 часов) (т.3 л.д.123-126).

Из заключения эксперта № 20676 следует, что голос и речь лица, зафиксированные на фонограмме ограниченно пригодны для проведения идентификации (т.4 л.д.44-46), а из заключения эксперта № 20679 следует,

ника
идеев
ость,
права
й и
ской
ества
вных
кное
ации
ина
юнов
щих
влен
ерки
сть к
лена
овые
ли 10
онов.
нное
удом
ения
что
могут
е им
деев
или в
естве
153).
(т.6
для
эньги
твах,
дееву
меют
вреда

16

что голос и речь лица, зафиксированные на фонограмме не пригодны для проведения идентификации (т.4 л.д.94-96). Однако ограниченно пригодная запись на предмет идентификации не исследовалась, а осужденные категорически отрицают свою причастность к данным разговорам, зафиксированным [REDACTED]. При таких обстоятельствах вина осужденных не может быть основана на протоколе осмотра компакт-диска от 5 июня 2019 года.

Осмотренный следователем компакт-диск, выданный [REDACTED] и с его слов содержащий его переписку с сотрудником полиции по имени «[REDACTED]», является производным доказательством, так как телефон, через который была осуществлена данная переписка, [REDACTED] в последующем был продан (т.2 л.д.232), следователем этот телефон не осматривался. Абонентский номер, указанный в протоколе как «[REDACTED]», [REDACTED] не принадлежит, им пользуется его жена, которую ни следователь, ни суд не допрашивали. Из протокола осмотра от 21 октября 2019 года следует, что произвести разблокировку и выгрузку информации из изъятого у [REDACTED] сотового телефона не представилось возможным. В отношении представленных [REDACTED] сведений о переписке экспертных исследований не проводилось; описание процесса сохранения [REDACTED] переписки, содержащейся в памяти сотового телефона, в память персонального компьютера, а затем на компакт-диск отсутствует; данных о совпадении текста, содержащегося на компакт-диске с перепиской, имеющейся в мессенджере «вотсап» сотового телефона хотя бы одного из предполагаемых участников переписки, не имеется. Сам [REDACTED] ведение такой переписки категорически отрицал (т.2 л.д.95-96). Тем самым вывод суда о наличии такой переписки основан только на показаниях [REDACTED] которые как доказательство, не сопоставлены с другими доказательствами по уголовному делу. В связи с этим протокол осмотра предметов от 7 марта 2020 года является недопустимым доказательством.

Со ссылкой на решения ЕСПЧ полагает, что [REDACTED] не взятополучатель, а жертва провокации. Так, в уголовном деле отсутствуют записи телефонных и иных переговоров между [REDACTED] и [REDACTED] которые якобы велись между ними на протяжении нескольких лет. Тем самым нет доказательств наличия умысла осужденных на получение взяток от [REDACTED], сформировавшегося до начала проведения в отношении них ОРМ «оперативный эксперимент».

Из исследованных судом файлов «04.06.2019 видео» и «04.06.2019 звук» следует, что [REDACTED] в автомашине [REDACTED] достал деньги без какого-либо побуждения с его стороны, разговор между ними шел на отвлеченные темы, денег не касался, потом видеозапись прерывается. Деньги следователем были изъяты с открытой полки над бардачком в автомобиле. Несмотря на то, что банкноты были помечены специальным веществом (т.1 л.д.116-117), в смывах с рук [REDACTED] красящее вещество не обнаружено (т.3 л.д.247-250). Поэтому изъятие денег не является

для
инд
ные
рам,
инд
в от

Д.И.
ени
рез
в
не
ент
зую
бря
из
ым.
ске
ния
и, в
ет;
ой,
из
В.
ым
ях
ми
гра

не
ют
и
ии
ых
ла

19
ги
на
ги
е.
1
не
ся

доказательством коррупционной деятельности [REDACTED], а действия [REDACTED] носили провокационный характер.

Суд сослался на показания сотрудников полиции [REDACTED] о пояснениях [REDACTED] высказанных им при его задержании о принадлежности ему денег и шара с фитилем (дымовой шашки), изъятых из его автомашины. Однако задержание [REDACTED] произведено в отсутствие защитника, впоследствии он эти пояснения не подтвердил, а потому показания указанных свидетелей не могут быть положены в основу обвинительного приговора.

[REDACTED] отрицал свою причастность к изготовлению и хранению изъятого из его автомобиля взрывного устройства. Протокол осмотра места происшествия, в том числе, автомобиля, был составлен следователем в период с 18:45 до 19:10 часов (т.1 л.д.85), в нем отражено, что переднее боковое стекло со стороны водителя приоткрыто более чем на 15 сантиметров. Личный досмотр [REDACTED] произведен с 17:48 до 18:24 часов (т.1 л.д.128-130). Таким образом не менее 20 минут автомобиль с опущенным стеклом находился вне зоны видимости его [REDACTED] что давало возможность подбросить туда петарду. Записи с камер видеонаблюдения на парковке не изымались, изъятая петарда на предмет наличия следов пальцев рук или ДНК [REDACTED] не исследовалась. Во время взрывотехнической экспертизы она уничтожена и возможность её исследования утрачена. Тем самым имеющиеся сомнения в виновности обвиняемого устранены быть не могут, а потому уголовное дело по ч.1 ст.222.1 УК РФ в отношении [REDACTED] подлежит прекращению за отсутствием события преступления.

Согласно постановлению о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, Министр внутренних дел РБ постановил рассекретить и передать следователю компакт-диск МНИ № 75с/19 с записью разговора 4 июня 2019 года (т.1 л.д.107-108), а следователь и суд осматривали, а эксперты исследовали диск - «[REDACTED]», содержащий записи «секретно» и «294/19» (т.4 л.д.10-13, 28-31). Тем самым нет безусловных доказательств, что запись задержания [REDACTED] не была сфальсифицирована.

[REDACTED] показывал о применении им при передаче [REDACTED] взятки весной 2019 года прослушивающего устройства, но полученные с использованием специального устройства записи переговоров в деле отсутствуют. Процессуальные основания для проведения в отношении [REDACTED] ОРМ в марте-апреле 2019 года отсутствуют. Показания [REDACTED] о дате начала передачи им взяток противоречивы - то октябрь 2017 года, то апрель 2017 года (т.11 л.д.20, 33). Красящее вещество на смывах с рук [REDACTED] не обнаружено (т.3 л.д.247-250). Тем самым вывод о многолетней совместной коррупционной деятельности осужденных основан лишь на противоречивых и не подтвержденных доказательствами показаниях [REDACTED]. Относительно [REDACTED] [REDACTED] сказал, что не знает, получал ли тот деньги; один раз он [REDACTED] точно отдавал

22

в 2017 году и один раз [REDACTED] приезжал с [REDACTED]. (т.11 л.д.60). При таких обстоятельствах в любом случае, даже если признать показания [REDACTED] за достоверные, квалификация действий [REDACTED] по п. «б» и п. «в» ч.5 ст.290 УК РФ является избыточной и не основана на материалах дела.

Обращает внимание, что уголовное дело не содержит доказательств того, что до обращения [REDACTED] в марте-апреле 2019 года к оперативным сотрудникам, последние располагали информацией о противоправной деятельности [REDACTED] и [REDACTED]. К тому же, если оперативные сотрудники располагали данными о коррупционной деятельности [REDACTED], в силу ст.2 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» они обязаны были пресечь эту деятельность. Поэтому ОРМ в отношении [REDACTED] в июне 2019 года были проведены с нарушением ст.7 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Заявляет ходатайства об исследовании в суде апелляционной инстанции исследованных судом первой инстанции: компакт-диска № 294/19 (т.4 л.д.9), компакт-диска с перепиской [REDACTED] с сотрудником полиции по имени [REDACTED] иных доказательств, приведенных в апелляционной жалобе. А также просит исследовать доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции – денежные средства, использованные [REDACTED] в ОРМ «оперативный эксперимент» для передачи [REDACTED], компакт-диск МНИ № 75с/19 записи разговора от 4 июня 2019 года (т.1 л.д.107-108). Ходатайствует о приобщении заключения специалиста (рецензии) № 20-22/12ТР от 14-22 декабря 2020 года и заключения специалиста № 83 от 28-29 января 2021 года.

Просит приговор суда отменить уголовное дело в отношении [REDACTED] по ч.1 ст.169 и ч.1 ст.286 УК РФ прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления, а по п.п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ уголовное дело прекратить за отсутствием события преступления; в отношении [REDACTED] по ч.1 ст.169 и ч.1 ст.286 УК РФ прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления, а по ч.1 ст.222.1 и по п.п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ уголовное дело прекратить за отсутствием события преступления.

В апелляционной жалобе (с дополнениями) осужденный [REDACTED] считает приговор незаконным и необоснованным, так как выводы суда содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности, правильность применения уголовного закона и определение меры наказания.

Так, суд без имеющихся на то оснований признал проведение ОРМ «Проверочная закупка» незаконным, проведенным с явным превышением должностных полномочий, так как оно проведено без соответствующего постановления руководителя органа внутренних дел. При этом суд не учел, что данное оперативно-розыскное мероприятие было проведено в рамках операции «Контрафакт», которая санкционирована начальником УМВД РФ по г.Уфе в отношении мобильных телефонов, то есть предметов, продажа

(т.11
нать
нова
вана

22

87

которых на территории России не запрещена и не ограничена. Контрафакт также не внесен в список предметов, реализация которых запрещена. В данном случае вынесения постановления о проведении ОРМ не требуется.

Ему и [ ] полномочия на проведение ОРМ предоставлены их должностной инструкцией, за рамки которой они не выходили. В приговоре также не указано, какой именно пункт должностной инструкции был нарушен или превышен. Из показаний в суде специалиста [ ] также следует, что вынесение постановления о проведении ОРМ «Проверочная закупка» обязательно лишь в случае закупки предметов, веществ, продукции, свободная реализация которой запрещена или ограничена.

Свидетель [ ] подтвердил, что ОРМ проводилось в ТРК [ ], и он выносил постановление, действия [ ] и [ ] с руководством были согласованы. Суд необоснованно не принял эти показания по мотивам того, что свидетель не смог вспомнить название конкретной торговой точки, но при этом не выяснил, проводились ли еще какие-либо проверки в этот же день в ТРК [ ]. Более того, полученные в результате проверки документы дали основание принять законное решение, которое не отменялось ни органом дознания, ни прокурором.

[ ] был дан ему, [ ], в помощь, как пояснил свидетель [ ], исходя из ситуации. Следовательно, он участвовал в проверке не в результате сговора, как это утверждает следствие и суд. Перед направлением материала в отдел полиции свидетель [ ], с его слов, носил на подпись руководителю, материал содержал всю необходимую информацию, он бы обратил внимание на наличие постановления, без этого не пошел бы к начальнику управления подписывать.

Из этого следует, что проведенное им и [ ] мероприятие являлось законным, а потому отсутствует причинно-следственная связь между ОРМ «Проверочная закупка» и ограничением прав и законных интересов [ ] и государства в лице органов внутренних дел РФ.

По результатам контрольной закупки торговая точка [ ] не перестала осуществлять своей деятельности, и не ограничилась в ней. Ущерба торговой деятельности, а также оснований для боязни у предпринимателя дальнейших проверок также не имелось, [ ] не понес ни уголовной, ни административной ответственности. Таким образом, условия для вымогательства со стороны сотрудников полиции отсутствуют.

Кроме того, [ ] не является индивидуальным предпринимателем. Его показания о том, что они с [ ] ведут общий бизнес, ничем не подтверждаются. В то же время ст.169 УК РФ предусматривает ответственность за ограничение прав и законных интересов предпринимателя или юридического лица. Судом эти обстоятельства не исследованы, юридическая оценка им не дана, но в приговоре постоянно фигурирует только [ ], именно он приходил в полицию после проверки, именно он платил деньги [ ], коммерческие отношения [ ] с [ ] документально не подтверждены, а

суд самостоятельно определил его роль как индивидуального предпринимателя без надлежащей регистрации. Вывод суда, что телефоны принадлежат [REDACTED] а не [REDACTED], сделан лишь с его слов.

В то же время [REDACTED], который и является индивидуальным предпринимателем лишь написал расписку о получении всех 25 изъятых у него телефонов. Вопрос о том, как [REDACTED] и [REDACTED] вмешивались и ограничивали деятельность [REDACTED] так и не нашел ответа в приговоре суда.

В материалах дела нет ни протокола выемки, ни запроса в отношении материала КУСП № 8798. Каким образом он поступил в орган следствия, непонятно. В постановлении о предоставлении результатов ОРД, вместе с которым поступил данный материал также нет сведений о его изъятии из ОП № 7. В то же время имеется постановление о передаче материала по подследственности, подписанное руководителем ОВД, который проверил его в силу ст.22 ФЗ «Об ОРД». Принятое решение прокурором не отменено.

Утверждает, что суд ввел подсудимых в заблуждение, предупредив, что сроки давности привлечения к ответственности по ст.286 УК РФ истекли, тем самым нарушив закон и лишив подсудимых их прав.

Утверждает, что ОРМ «Оперативный эксперимент» было спланировано сотрудниками ОРУ СБ МВД по РБ в виде провокационно-подстрекательских действий для фальсификации доказательств.

Так, [REDACTED] приехал писать заявление в следственный комитет совместно с сотрудниками ОРУ СБ, что подтвердил в суде следователь [REDACTED] и сам [REDACTED]. Следовательно, его заявление не являлось добровольным, но в приговоре это не отражено. При этом заявление написано в отношении сотрудников по имени [REDACTED] и [REDACTED], данные о которых [REDACTED] неизвестны. Однако следователь [REDACTED] выносит постановление о проведении ОРМ в отношении [REDACTED] и неустановленного лица. Указанное свидетельствует о том, что поручение было составлено «задним числом» с подачи сотрудников ОРУ СБ. В акте на л.д.126-127 в томе 1 имеется дописка «[REDACTED]», выполненная чернилами другого цвета и другим почерком, что также говорит о заготовленности документа. В связи с чем поручение следователя и акт возврата транспортного средства являются недопустимыми доказательствами.

[REDACTED] в суде говорил, что на него «вышли» - сотрудник полиции [REDACTED]. за 2-3 месяца до задержания [REDACTED], готовили операцию 3 месяца, по указанию [REDACTED]. он два раза встречался с [REDACTED], ему передавалось устройство для прослушивания.

[REDACTED] в суде пояснял, что надели ему аппаратуру и объяснили как вести диалог в машине, а как обрабатывали деньги, он не видел. В то же время суд в приговоре указано, что эти действия проходили по [REDACTED], тогда как из его показаний по этому адресу приводили понятых подписать, когда [REDACTED] забирал, а не выдавал устройство. В судебном заседании 23 сентября 2020 года [REDACTED] прямо говорит, что он «уже запутался».

того
оны
тым
их у
А.
цел
нии
ния,
е с
ОП
по
его
что
тем
но
их
тет
ль
сь
не
о
С.
и
не
на
ая
о
кт
ли
ик
ти
с
и
се
7,
ь,
3
6

Понятой [ ] в ходе судебного заседания показал, что были то ли деньги, то ли конверт, точно сказать не может. Понятой пояснил суду, что [ ] не знает и никогда не видел, а на вопрос о передаче технических средств ответил «вроде да» (протокол судебного заседания от 16 сентября 2020 года), то есть не был в этом уверен. Судом оценка этим фактам не дана. При таких обстоятельствах акты личного досмотра [ ], осмотра, пометки и выдачи купюр, выдачи технического средства от 4 июня 2019 года подлежат исключению из числа доказательств как недопустимые.

Суд не учел, что инициатором встречи 4 июня 2019 года был не он сам, а именно [ ]. При этом на видеозаписи нет ни слова о деньгах, напротив, видно, что деньги [ ] убрал в карман; видеозапись прервана, разговор остался незавершенным. Тем самым его показания в суде о том, что он не видел, что делал [ ] и даже спрашивал его, что тот хотел, ничем не опровергнуты. К тому же [ ] также говорил, что не может утверждать, что [ ] видел деньги.

В то же время при допросах 27 июля и 3 августа 2020 года [ ] утверждал, что деньги передал мне в руки, но сумму не озвучил. Он также подтвердил, что на видео реально не видно, как передавались деньги, куда он их положил, он их только «светанул». Таким образом, деньги только показал на камеру и никуда их не ложил. На его, [ ], руках следов красящего вещества не обнаружено, хотя, если бы в машине были помеченные деньги, то руки [ ] тоже были бы в этом веществе, и при рукопожатии это вещество оказалось бы и на его руках. Поэтому вывод суда о том, что [ ] положил деньги на полку автомобиля [ ] сделан только с его слов и ничем объективно не подтверждается.

Видео обрезано из-за того, что его вытащили из автомашины раньше, чем из неё вышел [ ], машина оставалась открытой, так как ключи им оставлены в замке зажигания и на фотографии при осмотре места происшествия зафиксированы там же. Этой фотографией опровергаются показания свидетеля [ ] о том, что машина была закрыта, тем более, что в ходе личного досмотра [ ] ключи от машины не были обнаружены.

Понятые и следователь появились спустя час после этих событий, то есть времени, чтобы подкинуть конверт, было достаточно. Суд же данные факты не проверил, оценки им не дал.

Понятая [ ] в суде показала, что были извлечены телефоны, белый конверт с деньгами, а понятой [ ] пояснил, что видел в конверте 1 000 рублей. Обоим понятым задавались наводящие вопросы. В связи с неправильным отражением их показаний были принесены замечания на протокол судебного заседания. Кроме того, показания понятых в ходе следствия являются полностью идентичными, что свидетельствует о том, что они подписали готовые протоколы допроса.

О подмене оригинального диска говорит и тот факт, что надпись на нем сделана маркером, тогда как БСТМ МВД по РБ ставит на дисках штамп.

В связи с изложенным результаты ОРМ в целом являются недопустимым доказательством.

Считает, что со стороны ОРУ СБ МВД по РБ, следователя СО по Советскому району г.Уфы СУ СК России по РБ _____, имели место незаконные действия и фальсификация доказательств.

Так, придя к выводу, что результаты ОРМ «Оперативный эксперимент» 5 июня 2019 года были направлены в орган следствия, что и послужило основанием к возбуждению уголовного дела, суд не учел, что уголовное дело возбуждено в 4 часа утра 5 июня 2019 года, а результаты ОРМ были представлены лишь 7 июня 2019 года, и следователь не мог сослаться на них.

Кроме того, в суде _____ пояснил о наличии постановления на проведение ОРМ, а _____ заявил, что вообще не помнит, был ли _____ при проверке. В суде они оба дают показания, противоречащие их показаниям в ходе следствия, которые были придуманы сотрудниками ОРУ СБ, а следователь внес их в протоколы допросов без их фактического проведения одним и тем же текстом.

Также в суд _____ сказал, что ему неизвестно о предложении _____ и _____ им платить, и он не видел, как _____ передавал деньги, для чего _____ брал деньги из кассы, не знает. После оглашения его показаний, _____ в пояснил, что вообще не помнит, чтобы давал показания.

Показания, данные _____ в суде, в приговоре указаны неверно, а данные в ходе предварительного следствия не соответствуют действительности.

Судом в приговоре (стр.23) указано, что потерпевшие, с их слов, продавали восстановленные телефоны, а документы у них не спрашивали. Суд надлежащую оценку этому не дал. _____ же свои объяснения, имеющиеся в материале об отказе в возбуждении уголовного дела, подтвердил. Их показания о покупке телефонов в Москве ничем не подтверждаются. Признавая, что _____ является индивидуальным предпринимателем без регистрации, суд тем самым установил состав правонарушения «незаконное предпринимательство».

Считает, что показания _____ на которые ссылается суд, подтвердившего, что разговор в кабинете _____ велся именно о даче взятки, не могут быть положены в основу обвинения, так как об этом разговоре он говорит лишь со слов _____ сам он не присутствовал; телефоны были возвращены ему, что подтверждается распиской; факт изъятия _____ денег из кассы _____ не подтвержден, бухгалтерская ревизия или аудиторская проверка не проводились, недостача не была выявлена.

Доказательств тому, что _____ ежемесячно передавал 15 000 рублей _____ и _____ не имеется. Показания _____ об этом

являются противоречивыми. Его слова о приезде в ОП № 6 11 апреля 2017 года не подтверждаются, записи об этом в журнале посещений отсутствуют.

В силу того, что он и [ ] имеют одинаковые звания и равнозначные должности, последний не мог давать ему каких-либо указаний.

В приговоре указано, что он лично получил от [ ] взятку в виде денег с указанием месяцев и сумм, а в мае 2017 года деньги от [ ]

получили он и [ ], что не основано на доказательствах по делу. Судом не установлено, кто и когда мог передать ему денежные средства, так как [ ] 3 августа 2020 года в суде показал, что он не помнит, может, и [ ] передавал, один раз точно передал кто-то другой, так как он уезжал.

Относительно возврата телефонов [ ] говорит, что не знает, сколько их не возвращено, а [ ] заявляет, что не вернули то 4, то 6 телефонов. Это говорит о том, что телефоны возвращены в полном объеме. К тому же по 3 телефонам вообще нет результатов ОРМ «СИТКС». При этом суд сославшись на показания [ ] указал, что некоторые номера были оформлены на лиц, отрицавших, что они этими телефонами пользовались. Тем самым не установлено ни одного телефона, которые якобы взяли он и [ ], а суд вменяет им взятку в виде 8 телефонов.

[ ] пояснил, что операцию с его участием готовил сотрудник УСБ [ ], предоставлял ему средства аудиозаписи, давал указания. [ ] факта встреч с [ ] в суде не отрицал, а также пояснил, что он получил видеозапись из ТРК «[ ]» за 8 апреля 2019 года, вел оперативную работу и документирование. Однако результаты ОРМ за период с марта 2019 года до 4 июня 2019 года в материалах уголовного дела отсутствуют, что свидетельствует о провокационно-подстрекательской деятельности УСБ. Видеозапись из ТРК «[ ]» от 8 апреля 2019 года плохого качества, и кто там встречался, [ ] лишь предполагал. Самой видеозаписи в деле нет, что свидетельствует о том, что никакой встречи и тем более передачи денег не было. Но несмотря на это суд утверждает, что встреча была.

Аудиозаписи разговоров [ ] и [ ] не отвечают требованиям допустимых доказательств, так как [ ] с его слов, сделав аудиозапись неоднократно переписывал то на телефон, то на флэш-карту, то на компьютер – всего 7 раз, фоноскопическая экспертиза тоже подтвердила, что запись является копией; он также утверждал, что делал эту запись по указанию [ ], который ему велел, «чтобы цифры было слышно», он так и сделал. В суде [ ] показал, что даты записей он не помнит, а также, что на записи деньги у него не просят. Впоследствии он был готов предоставить следователю свой телефон, но тот не стал этого делать. В итоге запись следователю была переслана через «вотсап», следователь сделал запись на свой диск со своего компьютера, а затем оформил этот диск выемкой у [ ]. При этом в протоколе выемки указано, что [ ] подписал, а на конверте, в который упакован диск, его подпись отсутствует.

До допроса следователя ..... в суде ..... подтверждал свои показания в судебном заседании, а после его допроса начал путаться, не отказываясь от своих показаний в ходе предварительного следствия, в то же время подтвердил и показания, данные в суде.

Просит признать недопустимыми доказательствами протоколы: выемки от 6 августа 2019 года, осмотра предметов от 7 марта 2019 года, дисков с перепиской «вотсап» и аудиозаписями, которые в судебном заседании не изучались.

Признавая в протоколе (стр.21), что ..... предупреждал ..... о предстоящих рейдах, о борьбе с конкурентами, суд не проверил сведения о том, проводились ли такие рейды.

В отношении заключений об оценке телефонов указывает, что ни он, ни ..... не были уведомлены следователем о назначении такого исследования; оценка проведена ненадлежащим лицом, имеющим свидетельство лишь на оценку недвижимости; оценка проведена без фактического осмотра телефонов и описания каждого предмета; в постановлении следователь указывает идентификационные номера телефонов, которые не изымались в ..... (т.4 л.д.114, 116,129). Просит признать недопустимым доказательством заключение № 1303/20-060 и дополнения № 0505/20-120.

Факт знакомства и совместной работы его, ... и ..... , совместное проведение ОРМ не свидетельствует о наличии между ними предварительного сговора на совершение преступления, тем более, что ОРМ проведено на законных основаниях.

Вывод суда о получении подсудимыми взятки не основан на фактических обстоятельствах, данных о получении телефонов или денег, не имеется, телефоны были возвращены ..... в полном объеме. Решение по результатам проверки 10 апреля 2017 года прокуратурой Советского района г.Уфы признано законным и не отменялось. У него не имелось оснований для проверок, так как они могут проводиться только по согласованию с руководством.

Просит в отношении него приговор по преступлениям, предусмотренным ч.1 ст.169, ч.1 ст.286, пп. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ, отменить и вынести оправдательный приговор.

Полагает, что при квалификации его действий по ч.1 ст.222.1 УК РФ выводы суда, изложенные в приговоре, также не соответствуют фактическим обстоятельствам дела и сделан неправильный вывод о его виновности в хранении взрывного устройства.

Утверждает, что это устройство было найдено и помещено в машину без его ведома ..... , который пояснял об этом как в ходе предварительного следствия, так и в суде. Суд немотивированно к этим показаниям отнесся критически.

В заключении экспертизы не указана мощность данного устройства в тротиловом эквиваленте и класс опасности, а также не указана масса веществ в отдельности; оно было классифицировано как аналог взрыв-пакета,

который предназначен для имитации взрыва ручных гранат. Тем самым пригодность устройства к взрыву не означает, что оно опасно.

Вывод суда о том, что он не отрицал принадлежность этого устройства, якобы предназначенного для рыбалки, и что это подтверждено показаниями ряда свидетелей, не соответствует действительности, так как он подобных пояснений не давал. Свидетели _____, которая приняла обнаруженный предмет за пиротехнику, _____ вопреки доводам суда подобного также не поясняли, что следует из протоколов их допросов в суде от 16 сентября, 14 и 15 октября 2020 года. Утверждение суда о том, что он мог и должен был внести замечания в протокол осмотра относительно принадлежности предмета, похожего на петарду, не является верным, так как его образование и занимаемая должность не подразумевают знание нюансов ведения процессуальной деятельности следователем.

Показания _____ являются лживыми, так как он отсутствовал при осмотре, его подписи в протоколе нет. Принимая его показания о том, что _____ ему сказал во время сопровождения, что это дымовая шашка для рыбалки, суд не учел, что он не мог сопровождать _____ а следователю дал показания о том, что в автомобиле обнаружено взрывное устройство, не участвуя в осмотре машины.

Пояснения _____ о том, что этот предмет, со слов _____ «для рыбалки», являются выдумкой, так как в судебном заседании он сказал, что понятые все фиксировали, а они этого не подтвердили, как не указал об этом и следователь _____.

К тому же показания оперативных работников не могут быть взяты в качестве доказательства, поскольку они являются заинтересованными в исходе дела лицами, а согласно постановлению Пленума ВС РФ № 55 от 29 ноября 2016 года «О судебном приговоре», результаты ОРМ не могут быть восполнены путем допроса сотрудников, осуществляющих ОРМ.

Тем самым в его действиях умысел на приобретение, хранение, перевозку взрывного устройства отсутствует, так как он не знал о его нахождении в машине. Просит его по ч.1 ст.222.1 УК РФ оправдать.

В апелляционной жалобе (с дополнениями) осужденный _____ считает приговор подлежащим отмене, как основанный на предположениях, вынесенный с нарушением УПК РФ, так как выводы суда не подтверждаются доказательствами, судом не учтены обстоятельства, которые могли существенно повлиять на его выводы.

Указывает, что _____ в судебном заседании, что зафиксировано в протоколе, показал, что ему было объявлено об операции «Контрафакт» и предъявлено постановление на листе формата А4 с печатью. Но в приговоре не отражено, что он называл предъявленный документ именно постановлением; суд указал, что _____ говорил о «каком-то» документе, как он об этом говорил в ходе следствия. Тем самым суд, не дав оценку показаниям _____ в судебном заседании, принял только показания обвинительного характера.

В приговоре нет ни одного доказательства тому, что он, _____, хоть раз получал денежные средства. _____, показывал, что отражено в приговоре, что _____, *вроде* один раз получал деньги. В суде же _____ показал, что _____ не общался с ним о денежном вознаграждении и не просил взятку, а на его, _____, вопрос прямо показал, что он с него денег не требовал, показал, что они виделись всего два раза (за 27 месяцев). После оглашения его показаний в ходе следствия о том, что _____ просил взятку, _____ сказал, что, *может*, так и было, но он не помнит. Однако суд взял за основу его показания в ходе следствия.

Свидетель _____, изымавший видео встреч _____, _____, показал, что это, предположительно, была их встреча (стр.22 приговора), а на официальный запрос суда УСБ ответили, что видео было, но найти его не могут. Однако суд принял это в качестве доказательства.

Потерпевший _____ в суде неоднократно показывал, что на него вышел сотрудник УСБ _____, указывал, что делать и говорить, все встречи были спланированы также им, а одна из них записана на его диктофон. Однако на основании показаний свидетеля _____ о том, что он не знал, что _____ платит деньги сотрудникам полиции, суд отверг факт провокации.

_____ в суде утверждал, что денежные средства ему передали в машине, как их помечали, он не видел. Понятой при пометке денежных средств – Захаров его не узнал. После оглашения показаний _____ в ходе следствия он вновь подтвердил, что это было не на ул.Ленина, 7, но суд не принял эти показания во внимание. Также не отражено в приговоре, что несмотря на то, что _____ и _____ здоровались за руку, у последнего не обнаружены следы химических средств от пометки денежных купюр.

В приговоре указано, что при просмотре видео от 4 июня 2019 года не видно, куда кладутся денежные средства, но не отражено, что видео отключается, когда _____ еще сидит в машине. К тому же из видео не следует, что рука _____ тянется вперед, и деньги кладутся на полку, но суд принимает показания _____ об этом вопреки видео.

Считает, что понятые _____ и _____, показавшие, что денежные средства на полочке в машине находились в сложенном пополам листе в виде конверта, могли перепутать с конвертом, в который упаковывались денежные средства.

Записи от 8 и 30 апреля 2019 года по инициативе _____ производились им на свои телефоны, а одна запись – на техсредства сотрудников УСБ. Затем эти записи неоднократно им переписывались, направлялись следователю по «вотсапу», в связи с чем непонятно, какой источник служил записью. При этом _____ утверждал, что делал запись по просьбе сотрудников УСБ. _____ в суде показал, что диск с записью он следователю не приносил, но после допроса следователя _____

заявил, что записал сам при следователе на его диск. При этом время записи на файле не соответствовало времени оформления протокола выемки на 5-6 часов, следовательно, была произведена выемка пустого диска. Экспертиза показала, что голоса непригодны к идентификации, запись является копией но суд всему этому оценку не дал и принял данные записи в качестве доказательства. Тем самым суд допустил укрывательство следователем факта фальсификации доказательств. Считает признание переписки в «вотсап» доказательством грубым нарушением УПК РФ, так как телефон

не изымался и не осматривался, сама переписка при понятых также не осмотрена.

Вопреки утверждению в приговоре (стр.26), что _____ и _____, являясь сотрудниками полиции, действовали осторожно, денег в руки не брали, не разговаривали о деньгах, это обстоятельство свидетельствует об их невиновности.

Таким образом, из ОРМ «Оперативный эксперимент» от 4 июня 2019 года следует, что разговора о деньгах и покровительстве нет, видео обрезано, куда кладутся деньги, не видно, химических средств нет, понятые говорят о конверте, фото ОМП - тоже.

Утверждение, что начальник ОЭП и _____ не видел материал проверки, так как на нем отсутствует его подпись, является неправильным, так как на рапорте об обнаружении признаков преступления его подпись имеется, он отписал материал _____, значит, был ознакомлен с ним.

Довод о 8 телефонах, якобы взятых в качестве взятки, не доказан.

Просит его по предъявленному обвинению оправдать.

В дополнении к апелляционной жалобе приводит доводы, аналогичные изложенным в апелляционной жалобе _____ и адвокатов о том, что проверка проводилась в рамках официальной операции «Контрафакт» в отношении предметов, не запрещенных и не ограниченных к реализации на территории РФ, также ссылается на показания _____ о том, что все материалы готовил _____, а он был выделен ему в помощь, а потому не должен был знать о наличии либо отсутствии постановления о проведении ОРМ. Показания _____ о том, что вместо _____ мог быть отправлен любой другой сотрудник, исключают возможность предварительной договоренности между _____ и _____.

Утверждает, что диск с аудиозаписью от 8 апреля 2019 года, оформленный протоколом выемки, но без участия специалиста, предоставил _____ следователь, сам же _____ на диск ничего не записывал. Тем самым источник записи разговора 8 апреля 2019 года отсутствует. Фоноскопическая экспертиза подтвердила, что запись на диске не является первичной, а часть голосов и фраз вообще невозможно идентифицировать относительно четырех участвующих в диалоге лиц. Время на файле отличается от времени составления протокола выемки, оно указано более позднее. _____ передал следователю запись через «вотсап». Тем самым эти доказательства являются недопустимыми, и они не подтверждают получение им, _____ взятки 8 апреля 2019 года. Кроме того, в

данной аудиозаписи вообще нет требования денег, и _____ пояснил, что с _____ о деньгах разговор не вел. Считает, что суд сам решил о его участии на встрече с _____ и _____. 8 апреля 2019 года, тогда как доказательств этому нет. Даже сотрудник УСБ МВД по РБ _____ в суде показал, что видеозапись из ТРК «_____» от 8 апреля 2019 года плохого качества, и кто встречался, ему известно лишь предположительно. Сама видеозапись в материалах дела также отсутствует.

Показания _____ в суде существенно отличаются от его показаний в ходе предварительного расследования: на следствии он показал, что по поводу взятки и её размера общался с _____, а в суде это отрицал. Очная ставка между ними не была проведена. Имеются противоречия в его показаниях и относительно возврата изъятых телефонов – на следствии говорил, что их ему привез кто-то, а в суде – что сам забрал. Однако суд противоречия не устранил, а поверил его показаниям на следствии.

Утверждает, что все проведенные экспертизы получены с нарушением УПК РФ, поскольку с фоноскопическими экспертизами он был ознакомлен только по их окончании, а с заключениями по оценке сотовых телефонов не был ознакомлен вообще. Не определено и количество сотовых телефонов, переданных в виде взятки. Так, _____ поясняет, что их было от 4 до 6, иногда – от 2 до 4, а следствие решило, что 8. Суд же не стал проверять доказательства. Свидетели _____ и _____ показавшие, что _____ помогал _____ в непривлечении к ответственности по их заявлению, на чьи показания сослался суд, к делу не имеют никакого отношения и преследуют свою цель о возврате долга с _____.

Указывает, что в отношении инкриминируемых ему деяний, время, место, способ их совершения не доказаны, также как и количество телефонов. В то же время одна-две ничем не подтвержденные встречи не могут доказывать, что он получал взятку ежемесячно на протяжении 27 месяцев. Указывая относительно действий _____ «согласно отведенной ему преступной роли», суд не мотивирует, кем эта роль ему была отведена, участвует ли в деле еще одно должностное лицо. Сам он, _____, материалом не занимался, а в остальном они с _____ находились в равнозначной должности и звании, и поэтому он не мог _____ что-то указывать. Кроме того, суд не расписал в приговоре, какова его, _____, роль в преступной деятельности. В отношении _____ суд указал, что тот якобы покровительствовал _____, созванивался и встречался с ним, сообщал о проверках, а что делал _____ – не указано. _____ не показывает о том, что _____ получал денежные средства, а _____ говорит, что он вроде передавал ему деньги 8 апреля 2019 года. Суд установил, что подсудимые опасались вести разговор о деньгах и брать их в руки. Но ведь этим самым они не требовали денег от _____, значит, нет и вымогательства.

_____ в суде показал, что он лично не платил взятку и у него её никто не требовал, а о том, что это делал _____, ему известно только с

его слов. Деньги [ ] якобы брал из кассы, но никаких ревизий, подтверждающих ежемесячное отсутствие 15 000 рублей, не имеется. Документально [ ] к [ ] не имеет никакого отношения; то, что телефоны покупались на его средства, не доказано ни одной накладной. Следовательно, можно сделать вывод, что это заранее подготовленный сотрудниками УСБ человек, но суд этого не проверил.

Все изложенное подтверждает, что суд просто согласился с обвинительным заключением, взял за основу только показания в ходе предварительного следствия, хотя [ ], в частности, утверждал, что его показания на суде являются правдивыми.

Указывает, что [ ] в суде говорил, что первую взятку передал в мае 2017 года (допрос от 27 июля 2020 года), затем – в октябре 2017 года (т.11 л.д.20), а затем – в апреле 2017 года (т.11 л.д.33). Тем самым судом не установлено точное время передачи денежных средств. Указывая, что [ ] лично ежемесячно получал взятку в виде денег, суд не отразил, где при этом был [ ], а потому вывод о реализации преступного умысла совместно с [ ], согласно отведенной ему роли является предположением. Не указано также и каким образом полученные деньги были разделены между ними, не установлено, когда и сколько получил именно он, [ ] подтвердил, что отдавал деньги [ ], а [ ] – вроде один раз в 2017 году. [ ] также отрицает как сам факт получения им денег, так и передачу их [ ].

Из допроса [ ] следует, что тот никаких разговоров о деньгах с ним никогда не вел; говоря, что [ ] вроде один-два раза получал деньги, он не смог указать точной даты, места, времени и способа их передачи, а потому эти показания не могут служить доказательством получения им, [ ], взятки.

Показания [ ] о встрече [ ], [ ] являются его предположением, о чем он сам заявил в суде. Видеозапись этой встречи утеряна, что внесено в протокол судебного заседания от 3 августа 2020 года. [ ] о наличии этой видеозаписи также говорит лишь со слов [ ].

Аудиозапись разговора от 8 апреля 2019 года является копией, следовательно, по ней нельзя установить точную дату разговора. [ ] сказал по поводу даты – «примерно апрель», а по поводу второй записи, якобы от 30 апреля 2019 года он пояснил, что дату вообще не помнит.

Просит приговор суда отменить и вынести в отношении него оправдательный приговор.

В судебном заседании суда апелляционной инстанции:

- осужденные [ ] и их адвокаты [ ]

[ ] Демьянчук А.В. поддержали апелляционные жалобы в полном объеме;

- прокуроры
приговора.

полагали о законности

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционных жалоб, выслушав мнение участников судебного разбирательства, судебная коллегия приходит к следующему.

Рассмотрение дела судом имело место в соответствии с положениями глав 36 - 39 УПК РФ, определяющими общие условия судебного разбирательства, процедуру рассмотрения уголовного дела с соблюдением правил о подсудности.

В соответствии со ст.7 и ст.297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным, справедливым и признается таковым в случае, если он постановлен в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом и основан на правильном применении уголовного закона. При этом выводы суда должны быть надлежаще мотивированы в судебном решении.

Согласно ч.4 ст.302 УПК РФ, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. А в соответствии с п.2 ст.307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть приговора должна содержать доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

Суд первой инстанции пришел к выводу о доказанности вины и в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст.169, ч.1 ст.286, п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ.

Вместе с тем, ввиду неправильного применения судом первой инстанции уголовного закона, суд апелляционной инстанции приходит к выводу о необходимости изменения приговора по следующим основаниям.

Так, описание преступных деяний, признанных судом доказанными, в приговоре формулируется таким образом, что _____ и _____ в период до 10 апреля 2017 года с целью незаконного материального обогащения вступили в предварительный сговор, направленный на получение незаконного вознаграждения – взятки в виде денег и иного имущества. Для этого они приискали потенциального взяткодателя. А затем с целью создания условий для совершения коррупционного преступления, а именно: получения взятки в виде денег и иного имущества группой лиц по предварительному сговору с вымогательством взятки они провели проверочную закупку в _____

при отсутствии условия для её проведения, в нарушение ФЗ-144 «Об оперативно-розыскной деятельности» и осмотр места происшествия с составлением протокола, в нарушение требований ст.144 и ст.176 УПК РФ, в ходе которого изъяли 25 сотовых телефонов.

Описав указанные действия, суд делает выводы, что «своими совместными преступными действиями, выраженными в незаконном изъятии

реализуемых _____ товаров – сотовых телефонов, _____ и _____ совершили воспрепятствование осуществлению своей законной предпринимательской деятельности, ограничив его предусмотренное ст.34 Конституции РФ право на свободное использование своего имущества для предпринимательской деятельности.

Кроме того, указанные преступные действия _____ и _____, ставшие достоянием общественности, повлекли за собой нарушение законных интересов государства, выраженное в подрыве авторитета и дискредитации федерального органа государственной власти – органов внутренних дел Российской Федерации».

После этого суд переходит к описанию преступного деяния, связанного с получением взятки, которое начинается фразой: «Далее, *создав своими незаконными действиями условия, при которых лицо вынуждено передать денежное вознаграждение с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов.....*», и описываются обстоятельства получения взятки.

Таким образом, по мнению судебной коллегии, исходя из использованных в приговоре формулировок, усматривается, что все действия, которые квалифицированы по ч.1 ст.169 и ч.1 ст.286 УК РФ суд признает действиями по созданию условий для получения взятки, а умысел осужденных направлен только на получение незаконного вознаграждения.

Кроме того, действия осужденных квалифицированы судом по ч.1 ст.169 УК РФ как воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, то есть ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя и незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя, если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения.

Между тем, исходя из диспозиции ч.1 ст.169 УК РФ, объективная сторона воспрепятствования должностным лицом в законной предпринимательской или иной деятельности выражается, в том числе, в ограничении прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица *в зависимости от организационно-правовой формы*, а равно в незаконном ограничении самостоятельности либо ином незаконном вмешательстве в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица.

По смыслу закона ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя - это незаконное уменьшение правоспособности этих лиц по причинам их организационно-правовой формы. Под ограничением прав и законных интересов индивидуального предпринимателя в зависимости от организационно-правовой формы следует понимать любые действия должностных лиц, которые существенно сужают сферу, предоставляемую действующим законодательством для удовлетворения интересов и прав субъектов предпринимательской и иной

деятельности. Это, в том числе, и умышленное создание условий, которые делают невозможным осуществление указанной в законе деятельности.

Таким образом, уголовную ответственность влечет только такое ограничение прав и законных интересов предпринимателя или юридического лица, которое *вызвано их организационно-правовой формой*.

Как установлено судом и указано в приговоре, основанием для совершения действий осужденных, квалифицированных по ч.1 ст.169 УК РФ, послужила не принадлежность _____ к организационно-правовой форме, а иные основания – желание получить незаконное вознаграждение – взятку.

Учитывает судебная коллегия и тот факт, что обязательный признак данного состава преступления, выраженного в форме ограничений прав и законных интересов индивидуального предпринимателя - "в зависимости от организационно-правовой формы", _____ и _____ не вменялся, судом не установлен и в приговоре не указан.

Что касается действий, квалифицированных судом по ч.1 ст.286 УК РФ, то они отдельно не описаны в приговоре, а формулировка о действиях, «явно выходящих за пределы должностных полномочий» осужденных применена судом к их действиям по проведению ОРМ «проверочная закупка», осмотра места происшествия в отношении _____ и изъятии при этом 25 сотовых телефонов, то есть при установлении судом обстоятельств по воспрепятствованию _____ и _____ законной предпринимательской деятельности _____.

В то же время согласно п.18 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 года «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями о превышении должностных полномочий», по делам о превышении должностных полномочий судам надлежит выяснять и указывать в приговоре, *какие именно* права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества или государства были нарушены, и находится ли причиненный этим правам и интересам вред в причинной связи с допущенным должностным лицом нарушением своих служебных полномочий.

Судом же в приговоре оценка степени причиненного вреда не приведена, и не указано данных, свидетельствующих о существенности таких последствий.

Кроме того, согласно п.22 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, судам надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами, а также иными документами установлены права и обязанности обвиняемого должностного лица, с приведением их в приговоре, и указывать, злоупотребление какими из этих прав и обязанностей или превышение каких из них вменяется ему в вину, со ссылкой на *конкретные нормы* (статью, часть, пункт).

Фактически суд в приговоре указал документы, которыми _____ и _____ предоставлялись определенные полномочия, но не отразил, какие именно полномочия ими были нарушены.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что в данной части приговор подлежит изменению на основании ст.389.16, 389.18 УПК РФ, так как выводы суда о квалификации действий осужденных по трем статьям УК РФ не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, и, как следствие этого, судом допущено неправильное применение уголовного закона при квалификации действий осужденных.

Судебная коллегия считает, что осужденными совершено одно преступление, а квалификация действий _____ и _____ по ч.1 ст.169 и ч.1 ст.286 УК РФ является излишней, поскольку суд признал, что все их незаконные действия были совершены в целях получения незаконного вознаграждения – взятки в виде денег и иного имущества, а потому решение суда об их осуждении по указанным статьям подлежит исключению из приговора.

В то же время постановленный судом приговор в части осуждения _____ и _____ по п. «а, б, в» ч.5 ст.290 УК РФ соответствует требованиям _____ уголовно-процессуального закона, предъявляемым к его содержанию. В нем отражены обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст.73 УПК РФ, проанализированы подтверждающие их доказательства, получившие надлежащую оценку с приведением ее мотивов, аргументированы выводы, относящиеся к вопросу квалификации преступления и назначенному осужденным наказанию, разрешены иные вопросы, имеющие отношение к делу, из числа предусмотренных ст.299 УПК РФ.

Описание деяния по п. «а, б, в» ч.5 ст.290 УК РФ, признанного судом доказанным, содержит все необходимые сведения о месте, времени, способе его совершения, форме вины, целях и об иных данных, позволяющих судить о событии преступления, причастности к нему осужденных и их виновности, а также об обстоятельствах, достаточных для правильной правовой оценки содеянного.

Проанализировав и дав надлежащую оценку всем исследованным материалам дела, проверив утверждения подсудимых о невиновности в инкриминируемом преступлении, в том числе доводы, аналогичные изложенным в апелляционных жалобах, суд мотивировал в приговоре, почему он, с одной стороны, принял те или иные доказательства в качестве допустимых и достоверных, признал их в своей совокупности достаточными для разрешения дела, а с другой - критически оценил, и отверг выдвинутые подсудимым аргументы в свою защиту.

По результатам состоявшегося разбирательства суд, несмотря на занятую осужденными позицию по отношению к предъявленному обвинению, пришел к обоснованному выводу об их виновности, в обоснование чего привел показания свидетелей и иные доказательства, отвечающие закону по своей форме и источникам получения, в своей совокупности признанные достаточными для разрешения дела.

Вывод суда о том, что _____ и _____ являлись должностными лицами по занимаемым ими должностям в правоохранительном органе и обладали распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, постоянно осуществляющими функции представителей власти, имели полномочия по осуществлению оперативно-розыскной деятельности в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, подтверждается нормативно - правовыми актами и нормативными актами, исследованными в судебном заседании и подробно приведенными в приговоре (т.5 л.д.205, 220, 208-219, 223-234).

По смыслу уголовного закона, взятка получается должностным лицом за совершение им каких-либо действий либо бездействий до или после получения взятки. Ответственность за взяточничество наступает независимо от времени получения должностным лицом взятки – до или после совершения им действия (бездействия) по службе в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, а также независимо от того, были ли указанные действия (бездействия) заранее обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче за их совершение взятки.

Как **вымогательство** взятки квалифицируется заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов. При этом не имеет значения наличие реальной возможности осуществления должностным лицом указанной **угрозы**, если передавший взятку опасался её осуществления (п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»).

Согласно правовой позиции, содержащейся в пункте 24 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, получение должностным лицом ценностей за совершение действий (бездействия), которые входят в его полномочия, либо которым оно может способствовать в силу своего должностного положения, а также, а также за общее покровительство или попустительство по службе следует квалифицировать как получение взятки **вне зависимости от намерения совершить указанные действия (бездействие)**.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п.5 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, относящиеся, как к общему покровительству, так и к попустительству по службе действия (бездействие) могут быть совершены должностным лицом в пользу как подчиненных, так и иных лиц, на которых распространяются его надзорные, контрольные или иные функции представителя власти, а также его организационно-распорядительные функции.

В соответствии со своими должностными обязанностями осужденные в силу занимаемых ими должностей **обладали функциями представителя власти по отношению к _____ и _____**, как лицам, занимающимся предпринимательской деятельностью.

Вопреки доводам апелляционных жалоб, наличие покровительства и попустительства по службе не являются взаимоисключающими понятиями и действиями, пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», на которое имеется ссылка в апелляционной жалобе, такого суждения не содержит.

Так, в приговоре прямо установлено, что общее покровительство и попустительство по службе в интересах _____ и _____ со стороны осужденных _____ и _____ выразилось как в активных действиях в виде предоставления информации о возможном проведении проверок иными уполномоченными должностными лицами УМВД России по г.Уфе, так и в бездействии путем **непроведения** проверок предпринимательской деятельности _____ и _____.

Из многочисленных показаний потерпевшего _____ в судебном заседании и в ходе предварительного следствия усматриваются обстоятельства, при которых осужденными было выдвинуто требование о ежемесячной передаче им 15 000 рублей, данные о фактах передачи денежных средств, в том числе, и при проведении _____ записи разговоров об этом. Несмотря на некоторые неточности в его показаниях, суд обоснованно признал их допустимыми доказательствами в той части, в которой они **согласуются с иными исследованными судом доказательствами**, в том числе, объективными.

и _____, каждый самостоятельно, показали, что деньги они платили ежемесячно за то, *чтобы им можно было продолжать нормально работать, и никто не изымал телефоны, сообщать в какие-либо органы побоялись.*

Согласно протоколу осмотра компакт-диска (т.3 л.д.133-139) и заключениям экспертов № 20678 (т.4 л.д.76-81), № 20677 (т.4 л.д.59-63) об отсутствии неситуационных изменений представленных фонограмм, прямо усматривается, что в ходе разговора трех лиц с мужским типом голоса один спрашивает: *нельзя ли сделать поменьше, так как пятнашка – это.... (цензурное выражение, по смыслу разговора свидетельствующее, что «много»); он платит уже в течение двух лет, торговли у него нет и просит сделать ему скидку; один из двух других участников разговора предлагает «давай в следующем месяце», а второй говорит «давай подумаем». На другой записи в ходе разговора двух мужчин один говорит, что продаж нет вообще, другой сообщает, что они переговорили, затем голос, сообщавший об отсутствии продаж, уточняет «двенадцать тысяч, да?», второй участник разговора с ним соглашается, сказав «угу».*

..., являвшийся одним из участников этих двух разговоров пояснил суду, что эти разговоры он записал сам, потом отправил следователю по «Вотсап», затем они были им самим переписаны на диск, который и изъяли. При этом разговор 8 апреля 2019 года был между ним,

и _____, а 30 апреля 2019 года – между ним и _____ (т.11 л.д.8-41, 46-63, т.12 л.д.51-57, 83-85).

Из протокола осмотра компакт-диска (т.3 л.д.152-164) следует, что на нем содержится переписка в мессенджере «Вотсап» между абонентами «_____» и «_____», в ходе которой «_____» присылает сообщения, в которых предлагает сегодня закрываться, так как катаются, все изымают, уголовный розыск работает по скупке краденого, они все выдергивают, лучше не работать сегодня, а на вопрос «_____» будет ли завтра спокойно, сообщает, что скажет утром. Несколько раз они договариваются о встрече, и в ходе этой переписки «_____» сообщает, что не хочет _____ поручать, так как он дятел, а как приедет, напишет.

При этом в суде _____ подтвердил, что эта переписка велась между ним и _____, и что он её перекинул следователю, а также скопировал на чистый диск, который у него и изъяли (т.12 л.д.128-129, 133-134). Указанное подтвердил в суде и допрошенный в качестве свидетеля следователь _____ (т.12 л.д.129-132).

Нарушений при изъятии и осмотре компакт-дисков суд апелляционной инстанции, вопреки доводам апелляционных жалоб, не усматривает. Отсутствие понятых не нарушает требований ст.170, 177 УПК РФ.

Предъявление осужденным постановлений о назначении экспертиз после их проведения также не является безусловным основанием для признания данных доказательств недопустимыми. Реализация прав, предусмотренных ст.198 УПК РФ, не поставлена законом в зависимость от момента ознакомления с постановлением о назначении экспертизы.

Таким образом, из сопоставления данных документов с показаниями _____ и, с его слов, _____, однозначно следует, что в ходе разговоров, аудиозапись которых сделана самим _____, речь идет об обсуждении возможности снизить ежемесячный платеж, который производился в течение двух лет, с 15 до 12 тысяч, на что в первом разговоре _____ и _____ обещали подумать, а во втором разговоре _____ дал согласие. Из переписки «Вотсап» усматривается, что _____ предупреждает _____ о проводимых органами полиции мероприятиях, рекомендует, как ему поступить, чтобы их торговая точка под эти мероприятия не попала, а при договоренности о встрече, когда сам _____ не может приехать, последний не хочет поручать передачу денег _____.

Указанные доказательства в совокупности с показаниями _____ об обстоятельствах проведения в их торговой точке контрольной закупки и осмотра места происшествия с изъятием 25 сотовых телефонов в апреле 2017 года, и достижения договоренности с сотрудниками полиции, проводившими эти мероприятия, о ежемесячной выплате им 15 000 рублей, отказным материалом № 8798, свидетельствуют, что со стороны осужденных было высказано требование о ежемесячной выплате им денежных средств; это требование выполнялось в течение двух лет из-за

опасения со стороны потерпевших, что в случае отказа платить, лица, получающие от них денежное вознаграждение, могут парализовать их предпринимательскую деятельность; при этом, в соответствии с договоренностью, осужденные, в частности, _____, информировал _____ о проводимых его коллегами проверках.

Таким образом, в соответствии с вышеприведенными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ действия осужденных правильно квалифицированы как взятка, и установлен факт её вымогательства.

Как правильно установил суд первой инстанции, о наличии сговора между осужденными свидетельствует совместный и согласованный характер их действий по требованию от _____ ежемесячной платы в размере 15 000 рублей еще в 2017 году. Об этом свидетельствует факт изъятия телефонов из торговой точки _____ в ходе совместно проводимых _____ и _____ мероприятий; факт обсуждения вопроса о снижении ежемесячного платежа _____ с обоими подсудимыми; факт передачи денег _____ не только _____, но и _____.

При этом суд апелляционной инстанции учитывает разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в п.15 постановления от 9 июля 2013 года № 24, согласно которым преступление признаётся оконченным с момента принятия взятки хотя бы одним из входящих в преступную группу должностных лиц; а также о том, что для квалификации действий как совершенных группой лиц по предварительному сговору, не имеет значения, какая сумма получена каждым из членов преступной группы, а также то, признавал ли взяткодатель, что в получении взятки участвует несколько должностных лиц.

Исходя из указанного, доводы апелляционных жалоб о том, что суд не установил, кто из осужденных конкретно сколько денег от _____ получил, каким образом полученные денежные средства между ними распределялись, и иные аналогичные доводы, не влияют на законность приговора и удовлетворению не подлежат.

В то же время, согласно расписке _____ от 14 апреля 2017 года, имеющейся на л.д.15 отказного материала, зарегистрированного в КУСП под № 8798 от 20 апреля 2017 года, исследованной судом первой инстанции, все изъятые телефоны возвращены, претензий он не имеет. Потерпевшими _____ и _____ в разных протоколах допросов указывалось различное количество невозвращенных телефонов, а в протоколе от 5 июня 2019 года допроса _____ в качестве свидетеля (т.2 л.д.223), где он указывает количество и марки невозвращенных 8 телефонов, их общая стоимость указана приблизительно – «около 130 000 рублей». Согласно заключению специалиста, стоимость телефона одной марки и модели в зависимости от объёма памяти является разной (т.4 л.д.130), но в данном случае невозвращенные телефоны по этому параметру не идентифицировались. Помимо показаний потерпевших, документально не

установлено, какие именно телефоны не возвращены, ни один из них в ходе следствия не установлен и не изъят.

В справке от 6 марта 2020 года следователя о получении им на интернет-ресурсах сведений о конфигурации изъятых сотовых телефонов также указано, что часть изъятых телефонов в количестве 6-8 штук фактически сотрудниками полиции не возвращена (т.4 л.д.106). Указанное свидетельствует, что даже после утверждения 5 июня 2019 года

о невозврате 8 сотовых телефонов, следствием не добыто бесспорных доказательств, подтверждающих это, вплоть до 6 марта 2020 года. Доказательств, на основании которых можно было бы бесспорно утверждать о количестве сотовых телефонов, оставленных осужденными себе в виде взятки, в материалах дела тоже не имеется.

При таких обстоятельствах, учитывая положения ч.3 ст.14 УПК РФ о том, что все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого, судебная коллегия полагает недоказанным факт оставления _____ и _____ в качестве взятки сотовых телефонов на общую сумму 173 000 рублей, как это предъявлено им в обвинении, и считает необходимым исключить данную сумму из общей суммы полученной взятки, уточнив формулировку обвинения в части получения взятки – только в виде денег на сумму 384 000 рублей.

Указанное, однако, не влияет на квалификацию действий осужденных по, в том числе, п. «в» ч.5 ст.290 УК РФ, поскольку согласно примечанию к данной статье крупным размером признаётся взятка, превышающая 150 000 рублей.

Вопреки доводам апелляционных жалоб, оперативно-розыскное мероприятие «Оперативный эксперимент» 4 июня 2019 года проведено в соответствии с Федеральным Законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Так, 4 июня 2019 года _____ добровольно обратился с заявлением с просьбой привлечь к уголовной ответственности сотрудников ОБЭП УМВД России по г.Уфе по имени _____ и _____ которые на протяжении двух лет ежемесячно вымогают незаконное денежное вознаграждение в сумме 15 000 рублей (т.1 л.д.83). Данное заявление зарегистрировано в КУСП и в этот же день отписано следователю _____

для принятия решения в порядке ст.144-145 УПК РФ, о чем имеются отметки на заявлении _____, и в этот же день следователь _____

дает поручение начальнику ОРЧ СБ МВД по РБ о проведении оперативно-розыскных мероприятий (т.1 л.д.84).

В тот же день, 4 июня 2019 года, от _____ получено добровольное письменное согласие на участие в ОРМ «Оперативный эксперимент» в отношении _____ (т.1 л.д.110), старшим оперуполномоченным по ОВД ОРЧ СБ МВД по РБ вынесено постановление о проведении оперативного эксперимента (т.1 л.д.111-112).

При таких обстоятельствах доводы апелляционных жалоб об отсутствии необходимой информации, а, следовательно, и оснований для проведения ОРМ в отношении _____ судебная коллегия считает необоснованными.

Также, вопреки обратному утверждению апелляционных жалоб, не влияет на законность возбуждения уголовного дела 5 июня 2019 года и не свидетельствует, что уголовное дело было возбуждено «задним числом», тот факт, что результаты ОРМ поступили следователю, согласно штампу на сопроводительном письме, 7 июня 2019 года (т.1 л.д.100-109), поскольку, во-первых, на этом сопроводительном письме имеется резолюция и.о. руководителя СО по Советскому району г.Уфы СУ СК России по РБ – «для приобщения к уголовному делу» (т.1 л.д.100), а, во-вторых, рапорт об обнаружении признаков преступления и материалы проверки № 322пр-19 зарегистрированы в КУСП СО по Советскому району г.Уфы СУ СК России по РБ еще 4 июня 2019 года (т.1 л.д.81, 82).

В ходе подготовки к оперативно-розыскному мероприятию «оперативный эксперимент» с оформлением соответствующих документов в присутствии понятых были проведены: личный досмотр _____ пометка, осмотр и выдача ему денежных средств в количестве 12 купюр на сумму 12 000 рублей, выдача технических средств (т.1 л.д.113-122). Свидетели _____ и _____, понятые, в суде подтвердили факт составления и содержание указанных документов, а также свои подписи и отсутствие замечаний.

Тем самым доводы апелляционных жалоб о неточностях в показаниях _____ о месте пометки денежных купюр и выдачи ему технического средства, не свидетельствуют о недопустимости оперативного эксперимента в целом, поскольку судом его показания приняты в совокупности с имеющимися письменными доказательствами и в той части, в которой они согласуются между собой. Возможность запятования суд апелляционной инстанции также не исключает, поскольку события были задолго до судебного заседания, в котором _____ давал о них показания.

После проведения оперативного эксперимента также в присутствии понятых составлены акты возврата _____ технических средств, его личного досмотра (т.1 л.д.123-127), а также акт личного досмотра _____ (т.1 л.д.128-130). Впоследствии диск с видео- и аудиозаписью оперативного эксперимента был осмотрен (т.3 л.д.140-143). В нем отражено содержание разговора между _____ и _____, на видеозаписи отражено, что носитель технических средств (_____) достает сложенные пополам купюры достоинством 1 000 рублей и убирает их. Куда именно убирает, и сколько штук купюр было, по записи не просматривается.

Согласно протоколу осмотра места происшествия от 4 июня 2019 года (т.1 л.д.85-92) в присутствии понятых и самого _____ осмотрен участок местности за зданием ТРК _____ «и припаркованный там автомобиль марки ВАЗ-21214 Нива с государственным регистрационным

знаком С 949 МХ 102, дано их описание, отражено, что в салоне автомобиля в открытой полке под бардачком обнаружены и изъяты сложенные пополам денежные купюры достоинством 1 000 рублей в количестве 12 штук с указанием их номеров, а также изъяты и другие предметы.

Данные обстоятельства подтверждены в судебном заседании свидетелями – понятыми при осмотре места происшествия _____ и _____ (т.12 л.д.27-31, 79-83). Вопреки доводам апелляционных жалоб о том, что при понятых изымался конверт с деньгами, а не деньги, понятые подтвердили, что протокол осмотра места происшествия читали, замечаний к нему не имели. Они также говорили о деньгах купюрами достоинством 1 000 рублей, что соответствует указанному в протоколе. То обстоятельство, что понятые в связи с деньгами упоминают о конверте, не опровергает правильность фиксации всех обстоятельств в протоколе осмотра места происшествия, поскольку из него прямо усматривается, что изъятые деньги упаковывались в конверт. При этом _____, говоря, что деньги были изъяты в конверте, тут же сообщает, что где находился конверт, она не помнит, а также, что купюры были по 1 000 рублей, их пересчитали и упаковали, а впоследствии пояснила, что, утверждая, что деньги изъяли в конверте, она могла перепутать, так как их потом упаковывали в конверт (т.12 л.д.29-31).

Номера на изъятых купюрах полностью соответствуют номерам купюр, помеченных специальным веществом и переданных _____ для участия в оперативном эксперименте. Кроме того, денежные средства, признанные вещественным доказательством, осмотрены и в суде апелляционной инстанции, расхождений серий и номеров купюр с теми, что использовались при проведении оперативного эксперимента, не имеется.

Вопреки обратному утверждению апелляционных жалоб, факт отсутствия следов красящего вещества в смывах с рук _____ не исключает и не опровергает факта передачи ему денежных средств в качестве взятки путем складывания их на полку автомобиля, без передачи непосредственно в руки, а довод, что _____ лишь показал деньги на видеозапись, но куда они потом делись, неизвестно, опровергается протоколом осмотра места происшествия, в котором зафиксирован факт их изъятия именно оттуда, куда, по словам _____, он деньги и положил, который обоснованно признан судом допустимым доказательством.

Утверждение стороны защиты, что предоставленный органу следствия компакт – диск с записью «оперативного эксперимента» и осмотренный следователем, являются двумя разными дисками, опровергается представленными в суд апелляционной инстанции и исследованными в судебном заседании: письмом заместителя руководителя СО по Советскому району г.Уфы СУ СК России по РБ, согласно которому обозначение компакт-диска «МНИ» не является его идентифицирующим обозначением, а просто сокращенным наименованием «магнитный носитель информации», а указанный номер 75с/19 – это тоже не идентификационный номер диска, а входящий регистрационный номер ОРЧ УСБ МВД России по РБ. Номер же

осмотренного следователем диска 249/19 присвоен секретным подразделением органов внутренних дел, а также письмом начальника отдела ОРЧ СБМВД по республике Башкортостан, в котором приведено обоснование того, что компакт-диск № 294/19 учтен за номером МНИ 75с/19, то есть это один и тот же диск.

При таких обстоятельствах сомнений в том, что в ходе предварительного расследования следователем 13 августа 2019 года (т.3 л.д.140-143) осмотрен именно тот компакт-диск, который был направлен с постановлением от 5 июня 2019 года о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности и указан в постановлении о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну от 5 июня 2019 года (т.1 л.д.103-106, 107-109), у суда апелляционной инстанции не имеется.

Доводы апелляционных жалоб о том, что при проведении оперативного эксперимента действия сотрудников полиции носили характер провокации, суд апелляционной инстанции считает необоснованными.

Так, по смыслу закона провокация представляет собой деятельность, направленную на формирование у жертвы провокации намерения получить взятку, на склонение его к совершению преступления, при этом у оперативных служб нет объективных оснований полагать, что данное преступление было бы совершено без вмешательства сотрудников полиции или их агентов.

В данном случае, исходя из фактических обстоятельств дела, когда до момента проведения оперативного эксперимента взятка передавалась на протяжении двух лет ежемесячно, действия сотрудников правоохранительных органов 4 июня 2019 года, не являлись сформировавшими умысел и фактором. Поэтому эти действия не являются подстрекательскими и не нарушают требований ст.5 Федерального закона N 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности".

При осуществлении оперативного эксперимента с целью задержания взыскщика (в данном случае ...) с поличным был лишь применен тактический прием при наличии достоверной информации о том, что это должностное лицо занимается преступной деятельностью, с целью установления экспериментальным путем данного конкретного факта.

При этом довод апелляционных жалоб о том, что ввиду разрыва во времени между проведением личного досмотра _____ в рамках ОРМ «оперативный эксперимент» и осмотром следователем места происшествия денежные средства в автомобиль _____ могли быть подброшены, является предположением, не основанным на материалах уголовного дела.

Так, при осмотре места происшествия, проведенном с участием _____, замечаний с его стороны не имелось, что свидетельствует о том, что зафиксированная обстановка в его автомашине после того, как он из неё вышел, не нарушалась (т.1 л.д.85-92). Поняты при данном следственном

действии о наличии с его стороны замечаний в судебном заседании также не указывали.

Само по себе служебное положение лиц, проводивших оперативный эксперимент, не дает оснований утверждать о нарушении ими закона, а каких-либо доказательств этому в апелляционных жалобах не приведено. К тому же, как указано выше, суд апелляционной инстанции соглашается с выводами суда об отсутствии провокации в действиях оперативных сотрудников.

К тому же в материалах уголовного дела имеется неотмененное постановление от 25 мая 2020 года об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении _____, _____, _____, по признакам преступления, предусмотренного ст.286 УК РФ за отсутствием в их действиях состава указанного преступления; в возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч.4 ст.303 УК РФ отказано за отсутствием события указанного преступления (т.8 л.д.168-184).

Результаты оперативно-розыскной деятельности представлены в распоряжение следственных органов в установленном порядке, и обвиняемые в соответствующей стадии с ними были ознакомлены.

Обвинительное заключение по делу соответствует требованиям ст.220 УПК РФ, в нем указаны все необходимые сведения в достаточном объеме для реализации обвиняемым своего права на защиту от предъявленного обвинения. Оснований для выводов об односторонности и обвинительном уклоне судебного разбирательства судебная коллегия не находит.

Оценивая показания потерпевших, свидетелей, допрошенных в судебном заседании, а также показания, оглашенные в судебном заседании в порядке ст.281 УПК РФ, суд признал, что они в своей совокупности с другими доказательствами устанавливают одни и те же факты, не доверять им у суда оснований не имелось, оснований для оговора осужденных _____ и _____ со стороны потерпевших и свидетелей суд не усмотрел, признал показания названных лиц достоверными и правдивыми. Кроме того, они были предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, каких-либо данных о том, что они заинтересованы в привлечении к уголовной ответственности именно осужденных, судом не установлено. Отдельные неточности в показаниях об обстоятельствах происшедшего суд признал несущественными и не влияющими на установленные судом, имеющие значение для дела обстоятельства, а также на достоверность сообщенных ими сведений.

Содержание исследованных судом доказательств изложено в приговоре в той части, которая имеет значение для подтверждения либо опровержения значимых для дела обстоятельств. Фактов, свидетельствующих о приведении в приговоре показаний допрошенных лиц, выводов экспертов, письменных доказательств таким образом, чтобы это искажало существо исследованных доказательств и позволяло им дать иную оценку, чем та, которая содержится

113,
в приговоре (с учетом изменений, вносимых судом апелляционной инстанции), судебной коллегией не установлено.

Суд апелляционной инстанции не может согласиться с доводами апелляционных жалоб о том, что показания _____ являются противоречивыми и не могут свидетельствовать о виновности и _____, поскольку его показания в суде и в ходе предварительного следствия суд наряду с другими доказательствами обоснованно положил в основу обвинительного приговора, в той части, где они взаимосвязаны, взаимодополняемы, подтверждаются объективными письменными доказательствами по делу.

Таким образом, изложенные в апелляционных жалобах (с дополнениями) доводы относительно невиновности _____ и _____ в получении ими от _____ взятки по существу сводятся к переоценке правильных выводов суда, при этом, как видно из материалов уголовного дела, все составообразующие элементы преступления, предусмотренного п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ, судом первой инстанции установлены, а указанные доводы были предметом исследования и надлежащей оценки судом первой инстанции, и не могут служить основаниями для отмены приговора и передачи дела на новое рассмотрение, а также для оправдания _____ и _____ по п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ, либо прекращения в этой части уголовного дела в отношении них за отсутствием состава преступления.

При этом отрицание осужденными своей вины при наличии всей совокупности доказательств их причастности к совершению преступления, предусмотренного п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ, судебная коллегия расценивает как один из способов защиты. Достоверных доказательств, опровергающих обвинение в этой части, в судебное заседание, как суда первой инстанции, так и суда апелляционной инстанции, представлено не было.

Вопреки доводам апелляционных жалоб, из протокола судебного заседания видно, что председательствующий судья создал сторонам все необходимые условия для исполнения ими процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Сторона обвинения и сторона защиты активно пользовались правами, предоставленными им законом, в том числе исследуя представляемые доказательства, участвуя в разрешении процессуальных вопросов. Основанные на законе мнения и возражения сторон судом принимались во внимание.

Все заявленные сторонами ходатайства были разрешены судом в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и в зависимости от значения их для правильного разрешения дела, с принятием по ним должных решений. Решения суда по этим ходатайствам сомнений в своей законности и обоснованности не вызывают.

Исходя из смысла закона неудовлетворенность той либо иной стороны по делу принятым судом решением по вопросам, возникающим в ходе

114
разбирательства дела, не является поводом для уличения судьи в утрате объективности и беспристрастности.

Судебное следствие было завершено судом после того, как все имевшие значение для исхода дела доказательства были исследованы.

Суд апелляционной инстанции приходит к выводу об отсутствии нарушений при сборе и фиксации доказательств по делу. Никаких новых оснований, которые могли бы повлиять на существо сделанных судом выводов, в жалобах осужденных и их адвокатов не содержится. Доказательства, на которые суд сослался в приговоре, получены в порядке, предусмотренном УПК РФ, были проверены в судебном заседании путем сопоставления с другими исследованными доказательствами и обоснованно признаны допустимыми и достоверными, а в своей совокупности - достаточными для разрешения данного уголовного дела по существу.

В то же время обжалуемый приговор в части осуждения I по ч.1 ст.222.1 УК РФ подлежит отмене, а уголовное дело в этой части - прекращению.

Так, согласно приговору, _____ признан виновным по ч.1 ст.222.1 УК РФ, то есть в незаконном хранении взрывного устройства.

В обоснование вины _____ по данному преступлению суд привел в приговоре данные протокола осмотра места происшествия, в ходе которого был изъят предмет, похожий на петарду; заключение эксперта, согласно которому данный предмет является самодельным взрывным устройством, изготовленным по типу взрывпакета дистанционного действия, пригодного для производства взрыва; показания свидетелей, сотрудников полиции и понятых, принимавших участие при проведении ОРМ «Оперативный эксперимент» и осмотре места происшествия. При этом показания сына _____ - _____ суд отверг, полагая, что они даны с целью помощи отцу избежания уголовной ответственности за содеянное.

С такими выводами суд апелляционной инстанции согласиться не может.

Так, доказательств наличия на изъятном предмете следов пальцев рук или иных биологических следов _____ не имеется, экспертиза по этому вопросу не проводилась. Сам по себе факт изъятия взрывного устройства из автомашины _____, с учетом показаний его сына, не свидетельствует о принадлежности этого устройства именно ему. Отсутствие замечаний в протоколе осмотра места происшествия со стороны I _____, в чьем присутствии, но без участия адвоката, была осмотрена его автомашина, не имеет юридического значения, тем более, что данным протоколом лишь зафиксирован факт изъятия этого предмета из автомашины, но не установлена его принадлежность (т.1 л.д.85-92); в ходе личного досмотра _____ (т.1 л.д.128-130), также проведенного без адвоката, и при оформлении с участием адвоката протокола задержания по подозрению в совершении преступления (т.1 л.д.203-207) он по поводу

изъятых предмета (взрывного устройства) ничего не пояснил. Не подтверждал он принадлежность этого предмета (взрывного устройства) ему также ни в ходе следствия, ни в ходе судебного разбирательства.

Следовательно, выводы суда о принадлежности изъятых взрывных устройств _____ фактически основываются только на показаниях свидетелей.

При этом свидетель _____ в суде пояснил, что о предназначении изъятых дымовой шашки, со слов _____, для охоты или рыбалки он узнал от коллег (т.11 л.д.88), а из его показаний в ходе предварительного следствия, оглашенных и подтвержденных им в судебном заседании, следует, что во время сопровождения _____ тот пояснил, что дымовая шашка необходима ему для рыбалки, и она не является взрывным устройством (т.2 л.д.259). Свидетель _____ в суде показал, что участвовал в осмотре автомашины, по поводу изъятых предметов с фитилем _____ пояснил, что это для рыбалки (т.12 л.д.16). Свидетель _____ в суде показал, что «в задней части машины в сумке были документы служебные и шар с фитилем, сотрудники спросили, что это, он сказал, для рыбалки и просил, чтобы не изымали, следовательно все равно изъять» (т.11 л.д.100). Все указанные свидетели являются сотрудниками полиции.

Свидетель - следователь _____ суду показал, что проводил осмотр места происшествия и автомашины _____, из которой изъят, в том числе, предмет, похожий на взрывчатку (т.12 л.д.106), _____ с протоколом ознакомился, подписал, замечаний не имел (т.12 л.д.109).

Из оглашенных в суде показаний понятого – свидетеля _____ усматривается, что при нем была изъята и упакована петарда, но суждений о её принадлежности он не высказывал (т.3 л.д.24-26). Свидетель _____, понятая, в суде показала, что изымалась из автомашины «какая-то пиротехника», следователь спрашивал _____ по поводу изъятых, его это или не его, но что тот ответил, она не помнит (т.12 л.д.30).

Таким образом, вопреки утверждению в приговоре, свидетели – понятые _____ и _____, а также следователь _____ ни следствию, ни суду не сообщали о том, что _____ при изъятии предмета (взрывного устройства) пояснил, что оно принадлежит ему и используется для рыбалки.

Утверждения же свидетелей - сотрудников полиции, принимавших участие в оперативно-розыскном мероприятии «оперативный эксперимент» и в осмотре места происшествия, не могут быть положены в основу обвинения. Так, ч.3 ст.56 УПК РФ не исключает возможности допроса следователя или оперативного сотрудника, участвовавших в предварительном расследовании по делу, в качестве свидетеля. Однако, по смыслу закона, они могут давать показания лишь об обстоятельствах производства отдельных следственных или иных процессуальных действий, что не дает оснований суду допрашивать их о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым в

целях восстановления содержания этих показаний, поскольку это противоречит закрепленному в п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ правилу, согласно которому показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, и не подтвержденные им в суде, относятся к недопустимым.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии в материалах уголовного дела достаточной совокупности доказательств, подтверждающих то, что изъятое в автомашине _____ взрывное устройство принадлежит ему, и он его незаконно хранил, по делу не имеется.

В связи с этим приговор в данной части подлежит изменению на основании ст.389.16 УПК РФ, так как выводы суда о виновности _____ по ч.1 ст.222.1 УК РФ не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, а уголовное дело по предъявленному обвинению по ч.1 ст.222.1 УК РФ подлежит прекращению за отсутствием в действиях _____ состава указанного преступления на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ с признанием за ним права на реабилитацию.

Назначая наказание, суд учитывал все обстоятельства дела, характер и степень общественной опасности содеянного, личность осужденных, влияние назначенного наказания на их исправление и условия жизни их семей, наличие смягчающих наказание обстоятельств при отсутствии отягчающих.

Данных об иных смягчающих либо отягчающих наказание обстоятельствах, которые не были известны суду первой инстанции, и могли бы повлиять на вид и размер наказания, в судебном заседании суда апелляционной инстанции не установлено. Представленные в суд апелляционной инстанции справки о том, что семья I _____ относится к категории малоимущих, в силу чего реализуется право

_____ 11 апреля 2020 года рождения, на бесплатное обеспечение продуктами детского питания, не являются достаточным основанием для смягчения наказания осужденному _____.

С учетом обстоятельств дела и данных о личности каждого из осужденных, суд первой инстанции обоснованно назначил _____ и _____ наказание в виде лишения свободы в условиях изоляции от общества, не усматривая оснований для применения ст.73 УК РФ, с назначением дополнительного наказания, предусмотренного санкцией ч.5 ст.290 УК РФ в качестве обязательного, что, по мнению судебной коллегии, является справедливым, соразмерным содеянному, соответствующим требованиям уголовно-процессуального и уголовного закона, полностью отвечающим задачам исправления осужденного, предупреждения совершения им новых преступлений.

Суд также верно указал об отсутствии оснований для изменения категории преступления на менее тяжкую в силу ч.6 ст.15 УК РФ, для признания смягчающих обстоятельств исключительными и применения ст.64 УК РФ, с чем соглашается и судебная коллегия.

Но при этом, учитывая вносимые судом апелляционной инстанции изменения в приговор, судебная коллегия считает, что размер как основного, так и дополнительного наказания по п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ подлежит соразмерному снижению, а указание о назначении им окончательного наказания по правилам ч.3 ст.69 УК РФ – исключению из приговора.

Вид исправительного учреждения определен правильно в соответствии с требованиями п. «в» ч.1 ст.58 УК РФ.

Зачет времени содержания под стражей и нахождения под домашним арестом в срок наказания судом в отношении _____ и _____ произведен верно, в соответствии с требованиями ст.72 УК РФ.

При разбирательстве уголовного дела фундаментальных нарушений уголовно-процессуального закона, прав и законных интересов сторон, влекущих отмену приговора, судом первой инстанции не допущено.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст.389.13, 389.19, 389.20, 389.28, 389.33 УПК РФ, судебная коллегия

определила:

апелляционные жалобы (с дополнениями) осуждённых _____,

и их адвокатов _____, Демьянчука А.В. удовлетворить частично.

Приговор Советского районного суда г.Уфы Республики Башкортостан от 23 ноября 2020 года в отношении _____ и _____ изменить:

- уголовное преследование в отношении _____ по ч.1 ст.222.1 УК РФ прекратить на основании п.2 ч.1 ст.24 и п.2 ч.1 ст.27 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. Признать за _____ в этой части право на реабилитацию в соответствии со ст.ст.133-135 УПК РФ;

- исключить указание об осуждении _____, _____ по ч.1 ст.169 УК РФ и ч.1 ст.286 УК РФ;

- исключить из осуждения _____, _____ указание о получении ими взятки в виде иного имущества – сотовых телефонов на сумму 173 000 рублей;

- считать _____, и _____ осужденными по п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ за получение взятки в виде денег в сумме 384 000 рубля;

- считать назначенное _____, и _____ наказание по п. «а,б,в» ч.5 ст.290 УК РФ до 7 лет 6 месяцев лишения свободы с лишением права занимать должности в системе органов внутренних дел сроком на 7 лет каждому;

- исключить из резолютивной части приговора указание о том, что _____, _____ окончательное наказание назначено по правилам ч.3 ст.69 УК РФ.

В остальном этот же приговор оставить без изменения, апелляционные жалобы (с дополнениями) – без удовлетворения.

Апелляционное определение может быть обжаловано в порядке, установленном главой 47.1 УПК РФ, в 6-й кассационный суд общей юрисдикции (г. Самара) в течение 6 месяцев со дня его провозглашения, а осужденными, содержащимися под стражей – в тот же срок со дня вручения им копии апелляционного определения путем обращения через суд первой инстанции.

В случае обжалования судебного решения в кассационном порядке осужденные вправе ходатайствовать о своем участии в рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции.

Председательствующий:

Судьи:

Справка: дело №
Судья

